ПРОГУЛКА

На Преображенскомъ безпоповщинскомъ Ѳедосѣевскомъ кладбищѣ въ Москвѣ.

Въ 1850 году, въ праздникъ Успенія Богоматери, пришлось мнѣ имѣть прогулку па Ѳедосѣевскомъ въ Москвѣ безпоповщинскомъ Преображенскомъ кладбищѣ, о которой я рѣшаюсь поговорить съ читателями.

Преображенская слобода есть самая отдаленная часть Москвы внутри Камеръ-коллежскаго вала. На этомъ мѣстѣ, во времена Петра великаго, сформировался и имѣлъ постоянное пребываніе Преображенскій полкъ, у котораго и по настоящее время осталось храмовымъ полковымъ праздникомъ Преображеніе Господне. Со временемъ на мѣстѣ бывшей полковой полотняной церкви Преображенія Господня, въ Преображенской слободѣ была построена деревянная церковь, а потомъ въ 1763-мъ году—каменная съ придѣломъ во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла, извѣстная по народному названію болѣе подъ именемъ Петра и Павла верховныхъ апостоловъ. Преображенскаго полка полковой праздникъ доселѣ остался праздникомъ на мѣстѣ его рожденія; а придѣлъ верховныхъ апостоловъ запечатлѣлъ имя того, кто основалъ полкъ. Слѣды полковаго пребыванія остались даже и въ названіяхъ улицъ, которыхъ въ Преображенскомъ четыре: 1-я главная по рѣкѣ Яузѣ, Генеральная, 2-я Божанинова, 3-я Суворова, 4-я Девятая рота и палочный переулокъ. На Генеральной улицѣ существовалъ дворецъ Петра великаго. Бывшая подъ дворцемъ земля и донынѣ принадлежитъ

дворцовой конторѣ, но отдается ею въ аренду частнымъ лицамъ подъ постройки и, за давностію такихъ построекъ, теперь немногимъ извѣстно то мѣсто, на которомъ существовалъ дворецъ.

Здѣсь родилось просвѣщеніе и могущество Россіи. Здѣсь Петръ великій возрасталъ и обучался. Здѣсь онъ спасалъ свою жизнь отъ мятежниковъ и здѣсь казнены бунтовавшіе стрѣльцы. Теперь же здѣсь мануфактурныя фабрики и гнѣздо Ѳедосѣевскаго раскола, какъбы свидѣтельствуя, что здѣсь родилось просвѣщеніе и здѣсь осталось сѣмя казненныхъ стрѣлецкихъ мятежниковъ.

Во время бывшаго въ Москвѣ моровато повѣтрія 5-й департаментъ Правительствующаго Сената, указомъ отъ 1-го сентября 1771 года за № 728-мъ, предписалъ московской полицеймейстерской канцеляріи, «живущихъ въ Москвѣ обывателей склонить, не пожелаютъ ли они для запемогающихъ изъ нихъ продолжавшеюся тогда въ Москвѣ заразительною болѣзнію учредить, по ихъ возможности, на свой коштъ карантинные дома и лазареты». Вслѣдствіе таковаго распоряженія обратились къ московскому генералъ-губернатору Петру Дмитріевичу Еропкину съ прошеніемъ «Московскіе купцы и разночинцы, живущіе въ Москвѣ, которые имъ единогласны, записавшіеся въ двойной окладъ. Они просили: дозволить имъ построить противъ Преображенскаго въ земляномъ валу карантинъ для больныхъ и для ухода за ними, а также для предохраненія отъ заразы здоровыхъ опредѣлять изъ ихъ состоянія всякаго вѣроятія достойныхъ людей; а сверхъ того они будутъ сами наикрѣпчайшее смотрѣніе имѣть, какъ скоро кто изъ ихъ состоянія по власти Божіей окажется больнымъ, то въ самой скорости выводить сами будутъ въ оный карантинъ». Но при этомъ просители выговоривали одно условіе, чтобы они съ ихъ единогласными милостивно освобождены были отъ докторскихъ осмотровъ и командующихъ офицеровъ, а находились бы единственно подъ покровительствомъ генералъ-

губернатора *). Это прошеніе генералъ-губернаторомъ было передано въ Правительствующій Сенатъ, который, допустивъ въ свое присутствіе двухъ просителей, объявилъ имъ, что на назначенномъ мѣстѣ больницу построить имъ дозволить можно, съ содержаніемъ больныхъ на ихъ коштъ; но уволить ихъ отъ докторскихъ осмотровъ и командующихъ офицеровъ—невозможно, потому что доктора, лекаря и командующіе осмотръ имѣютъ по Высочайшему повелѣнію, и потому имъ приказано будетъ въ больницѣ осматривать тѣхъ больныхъ два раза въ недѣлю, а въ дома заболѣвшихъ имъ уже не ѣздить, на что просители согласились. Такимъ образомъ въ просимомъ мѣстѣ карантинъ и больница скоро были выстроены такъ, какъ желали сами просители.

Въ это-то несчастное для Москвы и Россіи время преображенскіе безпоповцы стали въ свой лазаретъ свозить со всѣхъ концовъ Москвы заболѣвающихъ—и раскольниковъ и согласившихся по ихъ убѣжденію православныхъ, а съ ними вмѣстѣ вывозили туда же изъ Москвы изъ домовъ заболѣвающихъ капиталы и имущества. Вмѣстѣ съ заболѣвающими сюда пріѣзжали и здоровые съ своими семьями и имуществами и поселялись подлѣ лазарета, образовавъ собою временно населенную слободку. Тутъ были во многихъ мѣстахъ разставлены кадки съ водою, въ которыхъ перекрещивали православныхъ и здоровыхъ, и больныхъ, и едва уже дышащихъ, желавшихъ и нежелавшихъ, но по неволѣ зависѣвшихъ уже отъ распорядителей карантина безпоповцевъ. Правила предосторожности отъ заразительности болѣзни здѣсь не соблюдались, лекарствъ никакихъ не употреблялось, потому что все это, по ихъ ученію, считалось богопротивнымъ

*) Раскольники всѣ вообще всегда просятъ дозволить имъ самоуправленіе безъ всякаго надзора за ними правительства. Просятъ это для того, чтобы имъ никто не мѣшалъ, подъ видомъ благотвореній видимыхъ, достигать успѣховъ раскольничей пропаганды.

и запрещеннымъ измышленіемъ антихристовымъ. Картина на этомъ мѣстѣ была ужасная! Здѣсь смерть торжествовала полный разгулъ. Для нея жертвы свозились со всей Москвы и зараза передавалась отъ одного другому безъ всякихъ препятствій. Безъ соблюденія карантинныхъ правилъ и всякихъ предосторожностей противъ зараженія здоровыхъ отъ больныхъ, съѣхавшіеся сюда на жительство большею частію вымерли и изъ тысячей только нѣсколько человѣкъ, по счастію, остались живыми.

Итакъ, бо́льшая часть москвичей коренныхъ и на время въ то время пріѣхавшихъ въ Москву немосквичей, имѣвшихъ несчастіе попасть въ Преображенскій безпоповщинскій карантинъ, померли, оставивъ тутъ все свое имущество и достояніе; а оставшіеся живые Ѳедосѣяне, имущество умершихъ удержали въ свою пользу и составили значительный капиталъ въ нѣсколько милліоновъ, а въ послѣдствіи возросшій, при благопріятствующихъ расколу обстоятельствахъ, до нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ. Не задолго предъ моровою язвою (1768 года) перешелъ изъ православія въ Ѳедосѣевскую секту Илья Алексѣевъ Ковылинъ. Онъ перекрещенъ былъ отъ московскаго жителя, отца безпоповцевъ, Ильи Иванова, и переименованный Василіемъ чрезъ разные происки сдѣлался хозяиномъ или главнымъ попечителемъ и распорядителемъ Преображенскаго кладбища. Онъ, жалѣя о непроизводительности большаго кладбищенскаго капитала, часть онаго отдѣлилъ въ свое полное распоряженіе и, заведя свой кирпичный заводъ, выстроилъ два богадѣленныхъ двора для пріюта своихъ одновѣрцевъ: одинъ назначилъ для мущинъ, другой для дѣвицъ и старыхъ; дворы же эти оба назвалъ однимъ именемъ—*Преображенской обители*; но по полицейской вѣдомости они называются Преображенскимъ Богадѣленнымъ домомъ и записаны Лефортовской части, 3-го квартала, подъ № 452-мъ. Входъ и въѣздъ на кладбище и дворы устроены на востокъ въ видѣ воротъ правѣе Преображенской заставы. У воротъ сдѣлана на Камеръ-коллежскомъ валу сторожка.

Переступивъ за ворота, вы видите прямо передъ собою вдали на могилахъ девятиглавую часовню готической архитектуры, а ближе къ воротамъ двѣ зубчатыя каменныя четырехъ-угольныя ограды съ башнями на каждомъ углу,— одну направо, другую налѣво. Въ оградѣ правой стороны находится мужской, а на лѣвой женскій дворы; между ними въ промежуткѣ занимаетъ мѣсто лугъ, шириною около 60-ти саженъ. Мужской дворъ простирается въ длину на 100, а въ ширину на 56 саженъ; женскій въ длину на 113-ть, а въ ширину на 65-ть саженъ; вышина оградъ мужскаго двора $7^1/_2$ аршинъ, а женскаго 7 аршинъ. Правѣе мужскаго двора находится Хапиловскій прудъ; на берегу его построены скотный дворъ и бани; на пруду поставлена крестильня, срубленная изъ круглаго лѣса въ видѣ купальни; насупротивъ лицевой ограды женскаго двора, по Камеръ-коллежскому валу, стоятъ деревянные сараи для складки дровъ и прочихъ нужныхъ матеріаловъ. Осмотрѣвъ общее положеніе мѣстъ и дворовъ, пошелъ я осматривать мужской и женскій дворы, каждый порознь.

Съ лицевой стороны мужскаго двора средину ограды его занимаетъ каменный жилой корпусъ, въ нижнемъ этажѣ котораго сдѣланы ворота для въѣзда экипажей и входа людей. Въ нижнемъ этажѣ его на лѣвой сторонѣ находится большая кухня и столовая, а на правой свѣчная; во всемъ же верхнемъ этажѣ молельня, называемая надворотною. Архитектура сего корпуса готическая; надъ молельнею возвышенъ куполъ съ пятью главами, имѣющими осьмиконечные кресты, и шестою главою, едва примѣтною, маленькою, на которой укрѣпленъ небольшой мѣдный крестъ съ распятымъ тѣломъ Христовымъ. Этимъ послѣднимъ крестомъ выражена мысль, что прочіе пять крестовъ, безъ изображенія распятаго тѣла Христова, несовершенны и невполнѣ святы противъ шестаго малаго креста. Въ 10 саженяхъ отъ сей молельни, прямо къ

востоку, стоитъ готической архитектуры *) одноглавая на подобіе церкви часовня съ придѣланною къ ней колокольнею, называемая соборною. Въ нее ведутъ съ запада двѣ двери, съ сѣвера же и юга по одной двери, позади клиросовъ. Позади часовни по прямой линіи саженяхъ въ 12-ти стоитъ каменная больничная палата поперекъ двора и при ней на восточную сторону пристроена молельня въ два просвѣта, съ одною надъ ней главою и крестомъ; она называется больничною, входъ въ нее чрезъ нижній этажъ палаты; а во второмъ этажѣ сдѣланы открытые въ молельню хоры. Нижній этажъ палаты не имѣетъ перегородокъ и заставленъ весь койками для стариковъ; а верхній этажъ весь перегороженъ кельями, которыя занимаются книжными, т.-е. чтецами и пѣвцами; подъ нижнимъ этажемъ палаты есть еще подвальное помѣщеніе въ землѣ; но оно съ лицевой стороны незамѣтно, а видно только сзади и оттуда входъ въ него. Остальная часть двора занимается лугомъ. Въ сѣверной сторонѣ ограды двора сдѣланы большія ворота на лугъ, раздѣляющій мужской дворъ отъ женскаго.

Съ лицевой стороны женскаго двора занимаетъ мѣсто каменный двухъ-этажный корпусъ, въ срединѣ котораго сдѣланы готическія въѣздныя ворота, съ вырѣзанными на вереяхъ древними гербовыми двухглавыми орлами и единорогами **). Нижній этажъ корпуса занимается кухнею и столовою, а верхній богадѣленною палатою, съ придѣланною къ ней молельнею на востокъ, которая называется надворотною. Внутри двора, на правой и лѣвой сторонахъ, находятся по два каменныхъ двухъ-этажныхъ корпуса; по срединѣ двора готическая соборная молельня, съ одною главою, похожая на церковь, съ тремя вход-

*) Фасадъ этой часовни взятъ съ Царицынскаго дворца, выстроеннаго императрицею Екатериною II, близъ Москвы.

**) Они взяты, какъ говоритъ преданіе, отъ вышесказаннаго здѣсь бывшаго Преображенскаго дворца.

ными дверями, изъ коихъ одна съ запада, двѣ съ сѣвера и юга. Надъ западною дверью построена большая массивная колокольня. Позади сей молельни, поперекъ двора имѣется еще каменный двухъ-этажный корпусъ; остальное мѣсто за этимъ корпусомъ, позади, по обѣимъ боковымъ сторонамъ внутри ограды, занято малыми и большими домиками, такъ называемыми кельями. Въ южной сторонѣ ограды сдѣланы ворота насупротивъ сѣверныхъ воротъ мужскаго двора. Ко всѣмъ означеннымъ каменнымъ корпусамъ придѣланы къ восточной сторонѣ большія молельни въ два просвѣта. При всѣхъ этихъ молельняхъ находятся больничныя палаты и строены всѣ однообразно: на срединѣ корпуса корридоры, по сторонамъ кельи, забранныя тесомъ вплоть до потолка; на молельняхъ маленькія главы съ осьмиконечными крестами.

На мужскомъ дворѣ въ молельнѣ надъ воротами, въ день Успенія Богоматери, бываетъ обѣдъ, а предъ обѣдомъ и послѣ обѣда видѣнный мною слѣдующій церемоніалъ: въ 11½ часовъ утра богослуженіе окончили послѣ часовъ молебномъ и всѣ разошлись по кельямъ. Черезъ полчаса раздался колокольный звонъ, по которому всѣ бывшіе въ богослуженіи собрались въ соборную молельню. Начальствующій *) взялъ образъ Успенія Богоматери и пошелъ съ нимъ въ молельню надъ воротами; впереди образа несенъ былъ подсвѣчникъ съ возженной свѣчей; позади образа шли книжные и по большому потному листу въ рамкѣ пѣли на распѣвъ молитву *Отче нашъ*, каковое пѣніе окончили въ молельнѣ. Въ длину всей молельни до клиросовъ по обѣимъ сторонамъ были приготовлены два больніе стола со скамьями. По окончаніи пѣнія, настоятель, несшій образъ, и попечители кладбища усаживали за столы на правой сторонѣ отборныхъ и

*) Настоятель Семенъ Козьминъ, онъ же и главный ихъ отецъ, хранитель и распорядитель всего капитала, имущества и всѣхъ дѣлъ.

лучшихъ прихожанъ своихъ, назначая каждому мѣсто по достоинству; а потомъ посадили, однимъ только словомъ, всѣхъ прихожанъ худшихъ и книжныхъ за столъ лѣвой стороны. Наконецъ, оставшись одни, попечители долго ходили по молельнѣ одинъ за другимъ и хватали другъ друга за руки, и одинъ отъ другаго пятились, въ видѣ борьбы; наконецъ остановились, поговорили тихо между собою, посмѣялись, и сѣли на мѣста за столъ на правой сторонѣ. Вслѣдъ за тѣмъ начался обѣдъ и чтеніе жертвенника въ старопечатномъ Маргаритѣ. Первымъ сидѣлъ по срединѣ стола правой стороны главный духовный настоятель кладбища, Семенъ Косминъ, по правую его сторону другой, младшій настоятель кладбища, а ниже его попечители. Во время обѣда народъ входилъ смотрѣть трапезу празднующихъ и смотрѣлъ стоя у двери. Изъ зрителей всѣ свободно разговаривали, указывая одинъ другому знакомыхъ лицъ, называли ихъ по имени и разговаривали о разныхъ предметахъ. Изъ этихъ разговоровъ я замѣтилъ слѣдующій.

— Что же это попечители другъ за другомъ гонялись, — силу пробовали свою, или потѣшали прихожанъ?

— Это у нихъ былъ перекоръ о томъ, кому высшее мѣсто занять; одинъ передъ другимъ старались занять низшее мѣсто.

— Да это очень глупо при собраніи такъ ломаться; объ этомъ можно бы переговорить на словахъ безъ причудъ и борьбы.

— Да вѣдь они воспитывались не въ пансіонѣ, выросли одинъ въ полѣ съ сохою, другой за станомъ на фабрикѣ.

— Неужели настоятели у нихъ и попечители всѣ такіе необразованные?

— Рѣшительно ихъ все общество такое, что не скоро можно найти подобное имъ по грубости и невѣжеству.

— Есть ли по крайней мѣрѣ у нихъ хоть изъ другихъ лицъ кто пообразованнѣе?

— Рѣшительно нѣтъ никого у нихъ образованнаго; а еслибъ и былъ, то онъ у нихъ былъ бы въ пренебреженіи и ненависти, потому что ученіе они почитаютъ богопротивнымъ дѣломъ. У нихъ кто больше всѣхъ кричитъ и вретъ разныхъ нелѣпостей въ пользу своего толка, тотъ и мудрецъ великій считается; а первенствующій настоятель изъ числа такихъ мудрецовъ первый: онъ ученикъ дерзкихъ старинныхъ вралей, настоятелей: Луки Тереньтьева, Ивана Федотова и Михаила Гнусина. Для невѣждъ всегда нуженъ подобный имъ путеводитель; у нихъ умный не уживется; это потому, что онъ не захочетъ подражать во всемъ прихожанамъ и со всѣми соглашаться, хотя бы изъ нихъ одни другимъ во всемъ противорѣчили.

— Это всѣ однотолковники трапезуютъ?

— Всѣ единодушные, только одинъ сначала былъ не ихъ согласія,—вотъ тотъ, который сидитъ къ намъ задомъ, шестой отъ начала стола.

— Кто же онъ такой и за что удостоенъ одной съ ревнителями трапезы?

— Это предводитель бывшей Покровской молельни, называемой Монинской, гдѣ совершались для его единомысленниковъ свадьбы. Молельня Монинская нынѣ закрыта. Жена его, лѣтъ 40 жившая съ нимъ, умерла и похоронена здѣшними Ѳедосѣевцами и отпѣта въ здѣшнихъ молельняхъ.

— Да развѣ Ѳедосѣевцы приняли нынѣ браки или помирились съ принимающими браки?

— Не примирились и до днесь остаются какъ и прежде непринимающими ни браковъ, ни моленія за царя. Выйдемъ вонъ, здѣсь не безопасно такъ громко говорить, всѣ слушаютъ.

Послѣ этихъ словъ собесѣдники вышли на крыльцо и сѣли у лѣстницы на 2-мъ этажѣ. За ними вышелъ и я и сѣлъ на ступенькѣ лѣстницы, продолжая слушать ихъ разговоръ.

— Да какъ же Ѳедосѣевцы замужнюю схоронили и женатаго допустили къ одной съ собою трапезѣ, если не приняли доселѣ браковъ?

— А вотъ какъ: старуха предъ смертію призвала къ себѣ здѣшняго отца, иначе называемаго духовникомъ; ему объявила, что она свою бывшую съ мужемъ совмѣстную жизнь не считаетъ законною, а блудническою; и хотя прежде почитала брачною, но теперь въ томъ раскаивается и прежнее свое мнѣніе признаетъ заблужденіемъ. Этотъ отецъ наложилъ на нее шестинедѣльный постъ, по окончаніи котораго присоединилъ ее къ своему толку и исповѣдалъ; по смерти похоронилъ, а послѣ ея смерти такимъ же образомъ присоединился къ нимъ и мужъ ея.

— Однако къ нимъ присоединиться трудно; вѣдь шестинедѣльный постъ много значитъ.

— Это еще ничего, а бываетъ присоединеніе много тяжелѣе этого: шестинедѣльный постъ при присоединеніи налагается только на тѣхъ, которые крещены на семъ кладбищѣ здѣшними отцами; а вотъ тѣхъ, которые крещены лицами такими, которыя признавали бракъ и принимали моленіе за царя, тѣхъ установлено, на бывшемъ 1809 года въ С.-Петербургѣ, подъ руководствомъ Ильи Алексѣева, соборѣ послѣ шестинедѣльнаго поста вторично крестить.

— Да на это кто же согласится?

— Трудно это, только не для всѣхъ; много примѣровъ перекрещеванія было еще въ тотъже годъ при самомъ учредителѣ кладбища Ильѣ Алексѣевѣ и послѣ него было много, вѣроятно и доселѣ тоже продолжается. Правила этого С.-Петербурскаго собора Ильи Алексѣева очень уважаются кладбищенцами доселѣ; но только они все это содержатъ въ великой тайнѣ.

— Если и были такіе переходы, то должно быть очень рѣдки?

— Да такъ рѣдки, что послѣ закрытія Мошинской молельни всѣ принадлежавшіе къ ней женатые прихожане перешли на кладбище въ Ѳедосѣевскую толковню. Женъ они не оставили; но перешли на кладбище съ намѣреніемъ — при болѣзни или при смерти покаяться въ

блудѣ, и женъ своихъ признать открытыми блудницами и чрезъ это получить вѣчное наслѣдіе рая. У Ѳедосѣянъ преображенскихъ ученіе такое: будь хоть явнымъ блудникомъ, да отъ вѣры ихъ никуда не уходи; при немощи распутничай сколько душѣ угодно, а послѣ предъ смертію перестань и покайся, и снова будешь полный дѣвственникъ. Поэтому и самая молельня Монинская была временнымъ прибѣжищемъ народа во время только молодости, и имѣла у себя прихожанъ временныхъ, только до ихъ старости или болѣзни. Старость и болѣзнь загоняли ихъ къ Преображенскимъ Ѳедосѣевцамъ. Основателемъ Ѳедосѣевщины былъ Новгородской губерніи, крестецкаго яма дьячекъ Ѳеодосій Васильевъ. Онъ вытолковалъ такое ученіе: за царей не молиться, потому что они ученіе и общество его называютъ раскольническимъ и не даютъ ему помощи проповѣдывать его ученіе. Посему, гдѣ упоминается въ службахъ моленіе о здравіи и благоденствіи царей, тамъ поминаются только православные христіане; напримѣръ такъ: «Спаси Господи люди своя, и благослови достояніе свое, побѣды православнымъ христіанамъ даруй и своя сохраняя крестомъ люди». По тѣснотѣ времени, такъ какъ пришелъ въ міръ антихристъ, должно жить всѣмъ дѣвственно; настало время плача, а не браковъ и пировъ; должно ожидать втораго пришествія Христова, а не жениховъ и невѣстъ сочетавать. Если же гдѣ будутъ жить вмѣстѣ мущины и женщины совокупно, таковыхъ разводить въ разныя мѣста. Тѣхъ, которые обвѣнчаются въ Грекороссійской церкви и послѣ придутъ опять къ отцамъ Ѳедосѣевскаго толка съ покаяніемъ, не принимать и духовныхъ требъ у нихъ не совершать, развѣ только при самой смерти. Если же кто женатымъ изъ Грекороссійской церкви перешелъ въ ихъ согласіе, таковыхъ по перекрещиваніи не разлучать, но велѣть имъ жить дѣвственно и дѣтей не раждать, подъ опасеніемъ за троекратное рожденіе большихъ епитимій, а за четвертое—совершеннаго изгнанія изъ сонма Ѳедо-

сѣевскаго. Соотвѣтственно такому ученію въ обществѣ Ѳедосѣевскомъ появилось семь разрядовъ, опредѣленныхъ въ сочиненіи бывшаго у нихъ главнаго учителя Михаила Васильева Гнусина, котораго они до сего времени почитаютъ великимъ Златоустомъ и страдальцемъ за то, что онъ умеръ въ Соловецкомъ монастырѣ: ибо онъ своего званія настоящаго не открылъ, а имѣя подложныя отпускныя отъ имени разныхъ господъ, два раза былъ приписанъ въ московскіе цеховые, и по обывательскимъ книгамъ и по частнымъ письмамъ назывался: Петромъ Никифоровымъ, Михаиломъ Васильевымъ и Сергѣемъ Семеновымъ Гнусинымъ, за что и былъ отосланъ въ Соловецкій монастырь подъ надзоръ. Этотъ Гнусинъ, называемый самыми Ѳедосѣевцами седьмимѣннымъ, раздѣлилъ своихъ пасомыхъ овецъ па семь слѣдующихъ классовъ: 1) дѣвственниковъ, 2) тайноженовъ, 3) дѣвкоженовъ, 4) многоженовъ, 5) стараженовъ, 6) новоженовъ и 7) половниковъ.

1. Дѣвственниками у нихъ называются всѣ вообще живущіе безъ женъ; но имъ безпрепятственно дозволяется секретное блудодѣйство съ надеждою на покаяніе. Собственно же это имя принадлежитъ у нихъ только подражателямъ Содомлянъ и онанистамъ.

2. Послѣ дѣвственниковъ почетное мѣсто занимаютъ тайноженны, которые, хотя имѣютъ наложницъ, число коихъ не ограничивается, но живутъ съ ними порознь, посѣщаютъ ихъ тайно и въ публикѣ числятся холостыми. Если отъ нихъ будутъ дѣти, то ихъ подкидываютъ, а при себѣ не держатъ, дабы не опозорить тѣмъ свое знаменитое дѣвство.

3. Дѣвкоженами именуются тѣ, которые живутъ хотя вмѣстѣ, какъ мужъ съ женою, но по билетамъ числятся холостыми и дѣвицами; дѣтей одни изъ нихъ подкидываютъ, другіе держатъ при себѣ и записываютъ при матеряхъ зазорными. Перемѣна и отставка сихъ женъ до-

пускается незазорно во всякое время по желанію мущины.

4. Многоженами называются тѣ, которые удовлетворяютъ свои плотскія страсти гдѣ, какъ и съ кѣмъ кому когда придется.

5. Титулъ староженовъ носятъ тѣ, которые, находясь въ Грекороссійской церкви, вступили въ бракъ и обвѣнчались, а послѣ брака перешли въ секту Ѳедосѣянъ и были перекрещены.

6. Имя новоженовъ имѣютъ тѣ, которые родились въ Ѳедосѣевской сектѣ и вступили въ бракъ съ обвѣнчаніемъ въ Грекороссійской церкви, или пріобрѣли обманомъ отъ священника свидѣтельство о вѣнчаніи для записки по своему званію женатыми; также тѣ, которые приняли бракъ въ Мониной моленьнѣ. Всѣ они потомъ опять возвращались къ Ѳедосѣевскому толку; иначе сказать: у Ѳедосѣевцевъ тотъ новоженъ, кто, будучи въ ихъ сектѣ рожденъ, какимъ-нибудь образомъ женился, или безъ всякой женитьбы просто живетъ открыто съ женщиною, хотя въ сердцѣ именуетъ ее всегда блудницею: ибо они только числятся женатыми въ публикѣ, а по вѣрѣ всегда и всѣ считаются явными и открытыми нераскаянными блудниками. Самое же слово новоженъ означаетъ новую женитьбу, совершенную послѣ Іосифа патріарха, безъ священниковъ, поставленныхъ въ его патріаршество.

7. Половниками называются тѣ, изъ которыхъ мужъ принадлежитъ къ разряду староженовъ, а жена къ новоженамъ, или жена къ старожнамъ, а мужъ къ новоженамъ, то-есть: одинъ кто-либо изъ двухъ принадлежалъ къ Грекороссійской церкви до брака, а другой, будучи съ рожденія Ѳедосѣевецъ, вступилъ въ бракъ съ православнымъ лицомъ и обвѣнчался въ церкви.

Въ Москву первоначально перешло и распространилось Ѳедосѣево ученіе о бракѣ, а потомъ снисходительное ученіе о бракахъ первый началъ распространять и утверждать въ Москвѣ Гавріилъ Артамоновъ, а послѣ его

Василій Емельяновъ *), который съ московскимъ купцомъ Мониным выстроилъ въ Москвѣ въ Покровскомъ, на Покровской улицѣ, молельню, отъ чего и называлась эта молельня по имени ея строителя Мониною; прихожане ея были единомысленные съ ними. По смерти Емельянова и Монина поддерживали ихъ ученіе Гавріилъ Скачковъ и Адріянъ Сергѣевъ: первый былъ настоятель, а послѣдній попечитель. Ѳедосѣевы и Мониицы дѣлали многократныя собранія, предполагая одни съ другими соединиться; но не согласились ни въ чемъ, а еще больше ожесточились одни противъ другихъ и раздѣлились совершенно. Ѳедосѣевцы совсѣмъ отлучили отъ себя монинскихъ прихожанъ. Впрочемъ прихожане Ѳедосѣева толка, имѣя нужду въ женахъ, отрекались на время отъ ученія своей секты и переходили отъ Преображенскаго кладбища въ Монину молельню, въ которой принимались Ѳедосѣевцы снисходительнѣе, нежели Монины у Ѳедосѣевцевъ на кладбищѣ, но переходили не надолго. Ибо, совершивъ тамъ брачный обрядъ, присоединялись опять къ кладбищу **). Настоятели Мониной молельни, видя, что кладбищенцы обманываютъ ихъ, стали принимать ихъ строже, и наконецъ съ тѣмъ, чтобы приходящій отъ кладбища публично объявилъ въ молельнѣ, что онъ, когда находился въ кладбищенскомъ согласіи, неправильно отвергалъ браки и прочее принятое въ Мониной молельнѣ, нынѣ же онъ, почитая отверженіе браковъ ошибочнымъ, присоединяется къ мо-

*) Емельяновъ своихъ невѣнчаныхъ брачниковъ считалъ законными супругами, и это мнѣніе высказалъ, будучи въ Поморіи, за что Поморяне посадили его въ ледяной погребъ, въ которомъ держали его до тѣхъ поръ пока онъ согласился съ Поморянами признать такихъ брачниковъ незаконными, о чемъ и подписалъ составленное письменное постановленіе. Пріѣхавъ же въ Москву, оное свое согласіе отвергнулъ.

**) Но такіе мниможенатые на кладбищѣ почитались явными блудниками, и хотя дозволялось имъ стоять за общественною молитвою, но стоять въ отдаленности отъ молящихся и съ молящимися не молиться.

нинскому приходу чистосердечно и желаетъ пребыть навсегда въ немъ. Свои слова подтверждалъ цѣлованіемъ св. Евангелія и креста Христова; тоже подтверждалъ съ цѣлованіемъ креста Господня и Евангелія вторично во время совершенія молитвеннаго брачнаго обряда. Но, несмотря на всѣ таковыя удостовѣренія, приходившіе къ Мониным̀ъ кладбищенцы Мониныхъ обманывали и по совершеніи брачнаго обряда переходили опять на кладбище. По смерти же вышесказанныхъ настоятелей Монинской молельни, Емельянова и Скачкова, Антипъ Андреевъ, перешедшій къ Мониным̀ъ отъ кладбищенскихъ Ѳедосѣянъ, сдѣлавшись чрезъ свое притворство и пронырство настоятелемъ Мониной молельни съ помощію богатаго прихожанина купца Елисея Саввина Морозова, отвергнулъ моленіе за царя, а потомъ и самый пріемъ преображенцевъ допустилъ безъ всякаго обряда, за одинъ только началъ, то-есть: стоило только приходящему отъ Ѳедосѣянъ къ Мониной молельнѣ при настоятелѣ положить въ ней семь начальныхъ поклоновъ, безъ всякаго объясненія, для чего онъ это дѣлаетъ. Установленіе Антипа приняли и всѣ бывшіе послѣ него настоятели Мониной молельни. А по закрытіи ея, прихожане ея перешли на кладбище. Монина молельня была не что иное, какъ мѣсто гульбища преображенскихъ сектантовъ, гдѣ они могли свободно похищать себѣ женъ; а когда нужда въ женскомъ сообществѣ проходила, опять возвращались на Преображенское кладбище съ покаяніемъ, что они на дѣвственномъ пути ослабѣли и пали, и жили блудно съ женами своими безъ зазрѣнія совѣсти.

Выслушавъ всю изложенную рѣчь моего собесѣдника, я спросилъ его: во время часовъ нѣкоторые кладбищенскіе прихожане стояли въ соборной часовнѣ назади и не молились,—не Мониицы ли это были?

— Нѣтъ. Это тоже Ѳедосѣевцы, но запрещено имъ сообщеніе потому, что они живутъ открыто съ своими женами, хотя по вѣрѣ и почитаютъ ихъ не женами, а яв-

пыми блудницами, съ которыми живутъ вмѣстѣ до болѣзни, или до предсмертной исповѣди, или до тѣхъ поръ пока не наскучили другъ другу.

— Какъ же они своихъ женъ почитаютъ вмѣстѣ и женами и блудницами?

— Женами они называютъ ихъ только для прикрытія своего блудодѣянія передъ публикой и правительствомъ, а по вѣрѣ всегда этихъ женъ почитаютъ явными блудницами; во время болѣзни и предъ смертію исповѣдаются не иначе, какъ прежде признавшись въ блудницической жизни, и обѣщавъ передъ духовникомъ жить послѣ исповѣди безъ жены,—безъ того не станетъ исповѣдывать ихъ ни одинъ изъ духовниковъ сего кладбища. Вотъ напримѣръ недавній случай. Нѣкто жилъ съ одною въ видѣ супружества довольное время и прижилъ сына, и жили въ домѣ тещи открыто. Вдругъ жена опасно заболѣла. Нужно ее исповѣдывать, а при совмѣстномъ съ нею сожительствѣ называемаго мужа, живущаго въ одномъ домѣ, исповѣдывать духовники не берутся. И вотъ теща отправляетъ зятя, подъ видомъ торговли, въ отдаленный городъ, обѣщая извѣстить его о женѣ въ скоромъ времени письмомъ. Зять получаетъ отъ тещи два письма о томъ, что жена его поправляется, тогда какъ се давно уже похоронили, а зять до своего пріѣзда въ Москву о томъ не зналъ. Какъ бы вы думали, для чего теща удалила изъ Москвы зятя и не увѣдомляла его о смерти своей дочери? Это для того, чтобы дочь свою показать совершенною дѣвственницею; а въ присутствіи мнимаго мужа ея не стали бы ее ни исповѣдывать, ни отпѣвать.

— Можетъ быть блудно живетъ кто-либо и изъ тѣхъ, которые въ собраніи молились?

— Это безспорно, природа беретъ верхъ надъ суевѣріями. Но у нихъ блудники раздѣляются на много разрядовъ; главныхъ два: тайные и явные. Кто явно не держитъ при себѣ женщины, или хоть и держитъ, но предъ народомъ называетъ се кухаркою, а не женою, тотъ блудникъ тай-

ный и судится тайно, только однимъ его духовникомъ; онъ считается непорочнымъ дѣвственникомъ, и принимается къ моленію и всякому общенію, какъ истинный дѣвственникъ. На это у нихъ есть поговорка: тайный грѣхъ тайно судится. А кто явно при себѣ держитъ женщину и называетъ ее публично и въ записяхъ женою, тотъ почитается явнымъ блудникомъ, и отъ общественнаго моленія, питія и яденія изъ одной посуды отлучается. Допускаются же стоять во время моленія назади, только для того, чтобы чувствовали, что они соборнаго общенія съ ихъ единомысленниками лишили сами себя своими женами, а стоять въ молельнѣ назади какъ изгнанный Адамъ у дверей рая. Къ первымъ принадлежатъ дѣвственники, тайножены, дѣвкожены, многожены и старожены, если отъ сихъ послѣднихъ нѣтъ чадородія; а ко вторымъ новожены, половники и старожены, раждающіе дѣтей по переходѣ изъ православія въ Ѳедосѣевскую секту.

— Удивляюсь ихъ грубымъ понятіямъ. Неужели имъ пріятно все свое общество сдѣлать блудническимъ?

— Грубость нравовъ сама собою, но возмутительнѣе всего вотъ что. Всѣ прихожане Преображенскаго кладбища, почитая себя блудниками, а женъ и дѣтей — камнями преткновенія на пути къ царствію небесному, по совѣту духовниковъ, свое имѣніе и капиталы передаютъ на кладбище, или близкимъ единомышленникамъ, особенно попечителямъ и отцамъ. У кладбищенцевъ часто можно слышать въ разговорахъ: «неужели ты отдашь свое имѣніе женѣ или дѣтямъ? Нѣтъ, не губи себя: отъ Христа имѣніе тебѣ дано, и ты отдай его Христу» (то-есть на кладбище). По такому ученію, нѣкоторые при жизни отдаютъ свои капиталы на кладбище сами, оставляя женъ и дѣтей безъ всякаго состоянія, или оставшіеся послѣ умершихъ капиталы выманиваютъ настоятели у тѣхъ, которые жили съ умершимъ вмѣстѣ и прибрали при смерти капиталъ къ себѣ. Если же они не отдадутъ

настоятелямъ, то послѣдніе подвергаютъ непослушныхъ епитеміи за присвоеніе чужой собственности. Вся сила секты въ деньгахъ. Настоятели стараются пріобрѣсть себѣ капиталъ отъ прихожанъ, а отъ настоятелей попечители и ревностные прихожане.

Послѣ этого любопытнаго разговора я опять пошелъ въ молельню, гдѣ трапеза шла очень исправно и продолжалась около двухъ съ половиною часовъ; кушанье все было рыбное и молочное; за тѣмъ подавали фруктовый десертъ; фрукты всѣ ѣли въ обмачку въ сотовый медъ, поставленный на столахъ въ чашкахъ. Всѣхъ перемѣнъ кушанья съ фруктами было около 20-ти. По окончаніи трапезы, читающій жертвенникъ отдалъ главному настоятелю земной поклонъ и вышелъ вонъ. Въ это время раздался колокольный звонъ и настоятель съ бывшими за трапезою всталъ и сдѣлалъ возгласъ, а пѣвцы, сказавъ *аминь*, запѣли стихиру Успенію Богоматери, которая написана крюковыми нотами на большомъ листѣ и вложена въ рамку за стекломъ. Настоятель, взявъ икону Успенія Богоматери, понесъ оную въ соборную часовню, а впереди иконы несли большой подсвѣчникъ съ зажженною свѣчею; позади шли пѣвцы со всѣми трапезовавшими и пѣли оную стихиру; пѣніе окончили въ соборной часовнѣ, и разошлись всѣ по своимъ мѣстамъ. Звонъ на колокольнѣ продолжался до входа настоятеля съ иконою въ соборную молельню.

Такъ кончился весь церемоніалъ праздпованія и вскорѣ послѣ этого молельни на мужскомъ дворѣ заперли. Затѣмъ я отправился на женскій дворъ и ходилъ по тамошнимъ палатамъ. Воздухъ въ палатахъ женскаго двора, отъ закрытія оконъ, до того былъ тяжелъ и удушливъ, что какъ я, такъ и другіе посѣтители не могли долго ходить по палатамъ. Одинъ изъ посѣтителей спросилъ у сторожа при воротахъ женскаго двора: отчего у нихъ такъ удушливо? На это сторожъ отвѣчалъ: у насъ очень хорошо и легко; мы такой запахъ любимъ, а не любимъ вашего

табачнаго запаха, который воняетъ хуже навоза, а дымъ отъ табаку все равно что дымъ въ кромѣшномъ аду.

Осмотрѣвъ на женскомъ дворѣ молельни, пошелъ я на могилы, къ которымъ дорога проложена около самой мужскаго двора ограды. Изъ-подъ ней на дорогу выведены выгребныя ямы, и отъ этого идущій сею дорогою прежде всего поражается сильнымъ зловоніемъ. Дорога прямо проходитъ къ вышесказанной часовнѣ; не доходя оной, на лѣвой сторонѣ, большая сторожка; а за часовнею деревянный крестъ, длиною аршина въ три, съ вырѣзаннымъ распятымъ тѣломъ Спасителя, стоящій въ особой маленькой часовенкѣ, въ которой горитъ лампада. У этого креста погребены Илья Алексѣевъ Ковылинъ и пр. настоятели и попечители Преображенскаго кладбища; а за крестомъ правѣе къ Хапиловскому пруду тянутся другія могилы. Ближе къ Хапиловскому пруду въ удаленіи отъ прочихъ есть нѣсколько могилъ, въ видѣ отводимыхъ для похоронения лишенныхъ христіанскаго погребенія. Я спросилъ бывшихъ тутъ людей: кто здѣсь похороненъ? Нашелся одинъ знатокъ, который объяснилъ, что похоронены здѣсь умершіе безъ покаянія; а другіе, напримѣръ Аграфена Мушникова и Ѳедосья Скачкова, хотя умерли съ покаяніемъ, погребены здѣсь за то, что онѣ принадлежали къ Монпиной молельнѣ, прихожанъ которой долгое время Преображенцы погребать съ своими собратіями на однихъ мѣстахъ не допускали по той причинѣ, что Монипцы одолѣли Преображенцевъ на соборномъ словопреніи и сдѣлали ихъ безгласными. На могилахъ много есть памятниковъ мраморныхъ и дикаго камня, съ надгробными надписями.

Предъ рѣзнымъ большимъ крестомъ Христовымъ въ маленькой часовенкѣ, главное мѣсто въ особой желѣзной рѣшеткѣ занимаетъ могила Ильи Алексѣева Ковылина. На ней камень и слѣдующія надписи,—на переди камня: «подъ симъ камнемъ погребено тѣло попечителя и учредителя Преображенскаго богадѣленнаго дома московскаго купца

Ильи Алексѣевича Ковылина, скончавшагося въ 1809 г., августа 21 дня, пополудни во 2-мъ часу, на 78 году отъ рожденія его». На правой сторонѣ: «смертный! помни, что святая Церковь или духовное христіанъ собраніе есть одно тѣло, котораго глава—Христосъ, и что всякое несогласіе между христіанами болѣзнь Церкве, оскорбляющая главу ея. Такъ старайся убѣгать всѣхъ тѣхъ случаевъ, которые удобны къ воспаленію вражды и раздоровъ». На лѣвой сторонѣ: «Не забудь, о человѣкъ, что состояніе твое на земли опредѣлено вѣчною мудростію, которая знаетъ сердце твое, видитъ суету желаній твоихъ и часто отвращаетъ ухо отъ прошенія твоего изъ единаго милосердія».

Эти надписи торжественно обличаютъ Ковылина въ оскорбленіи Церкви, въ виду зданій, предъ самою его могилою выстроенныхъ имъ, съ цѣлію раздора и отдѣла отъ св. Христовой Церкви.

Въ надписяхъ на многихъ памятникахъ умершіе названы двумя именами. Это знакъ того, что они были перекрещенцы. На нѣкоторыхъ памятникахъ написано *имя рекъ*; это потому, что умершіе можетъ быть были многоименные. У Ѳедосѣянъ сложена слѣдующая повѣсть. Одинъ встрѣтился послѣ долгой разлуки съ своимъ знакомымъ и, обрадовавшись, вскрикнулъ: «ахъ, Васильюшка, здравствуй, сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались». Тотъ отвѣчаетъ: «обознался, я не Василій и тебя не знаю». Первый, несмотря на это, увѣрялъ его, что они вмѣстѣ жили тутъ-то и тогда-то, и когда послѣднему невозможно было больше отговариваться незнакомствомъ, тогда онъ сказалъ, что онъ теперь не Василій, а по второму святому крещенію бѣглый солдатъ. Когда же первый на этотъ отвѣтъ замѣтилъ, что это есть такое преступленіе, за которое сошлютъ въ Сибирь; тогда тотъ отвѣтилъ, что два раза былъ ссылаемъ въ Сибирь, но по милостивому манифесту бѣжалъ съ дороги.—Не безъ причины въ народѣ молва носится, что лучше всего бѣглымъ людямъ укрываться чрезъ переходъ въ Ѳедосѣеву секту: по два и даже

болѣе именъ у одного умершаго могло быть не отъ одного перекрещиванія, а непремѣнно и для сокрытія именъ по уголовнымъ дѣламъ.

По обозрѣніи памятниковъ возвращался я къ часовнѣ и былъ увлеченъ любопытствомъ посмотрѣть толпу народа стоявшаго не подалеку отъ часовни на могилахъ. Этотъ народъ—большею частію фабричные, ремесленники и кладбищенскіе жители. Между ними происходило словопреніе о различіяхъ вѣръ; около ихъ стояла толпа слушателей. Разговоръ только начинался и я остановился послушать.

1-й. Здравствуй, г. преображенецъ.

2-й. Здравствуй, и знай, что я хоть преображенецъ, да истинный христіанинъ.

1-й. Не женивыйся и бѣгающій жены, яко Еввы, боясь соблазниться вкушеніемъ плода отъ запрещеннаго древа.

2-й. Нѣтъ, я убѣгаю только тебя и тебѣ подобныхъ и соблюдаю свое христіанство твердо.

1-й. Почему же ты называешься христіанинъ?

2-й. Потому что заповѣданное намъ отъ нашихъ предковъ, не согласившихся съ Никономъ патріархомъ, соблюдаю твердо и нерушимо.

1-й. Да это, любезный, не есть доказательство, что ты христіанинъ; поэтому тебя можно назвать скорѣй предковецъ, а не христіанинъ.

2-й. Нѣтъ, я не предковецъ и не вѣтковецъ, а истинный христіанинъ и получилъ это имя отъ самаго моего рожденія. Потому что мои и родители, и дѣды были по этому кладбищу.

1-й. Да я тебя спрашиваю не о кладбищѣ, а о томъ, почему ты называешься христіанинъ?

2-й. Христіанинъ я потому называюсь, что крещенъ по старопечатнымъ книгамъ и читаю символъ вѣры по старымъ книгамъ, а не по новымъ.

1-й. Нѣтъ, дружокъ, вѣрно ты самъ не знаешь, почему называешься христіанинъ, а послушай лучше меня: я на-

зываюсь христіанинъ потому, что вѣрую во Христа,—отъ вѣрованія во Христа получилъ и имя христіанина.

2-й. Оно и по всему похоже, что ты христіанинъ; развѣ христіане носятъ нѣмецкую одежду и курятъ табакъ? Это нечестіе, по писанію, должно послѣдовать только въ пришествіе антихристово; ибо писано, что въ послѣднее время отступятъ отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестьчимъ и ученіямъ бѣсовскимъ, и во мнящихся христіанѣхъ возникнетъ бѣсовская табака; а гдѣ будетъ бѣсъ, тамъ не будетъ Христа. Посему ты куришь и нюхаешь табакъ бѣсовскій, отъ того и не можешь быть христіанинъ; да на тебѣ и образа-то нѣтъ христіанскаго.

1-й. О послѣднемъ-то времени писалъ св. Апостолъ Павелъ и написалъ такъ: «Духъ явственнѣ глаголетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ, въ лицемѣріи лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію, возбраняющихъ женитися, удалятися отъ брашенъ, яже Богъ сотвори въ снѣденіе». Вотъ видишь, любезный, что эти слова къ намъ не относятся. Потому что мы никому не запрещаемъ жениться и удаляться отъ брашенъ, а ѣдимъ все во славу Божію; равно и одеждою не лицемѣрствуемъ, и своихъ грѣховъ не покрываемъ грубымъ одѣяніемъ. А вотъ вы жениться запрещаете и одобряете жизнь блудную, а не брачную; на торжищахъ покупаемое брашно ѣсть запрещаете; пить вино и ѣсть мясное кушанье не вслите; одеждою татарскаго покроя хотите доказать свое степенство и цѣломудріе, и ею покрываете только свои пороки; предъ всѣми всегда говорите ложь и истиною въ вѣрѣ вы не дорожите; кто вамъ говоритъ правду, вы стараетеся заглушить его не писаніемъ, а кричаніемъ и бранью, и это дѣлаете потому, что у васъ совѣсть сожжена. Судя по такимъ дѣйствіямъ это пророчество сказано объ васъ, а не объ насъ; вы, а не мы, внемлете духамъ лестчимъ и ученіямъ бѣсовскимъ, и ваша секта есть не Хри-

стова церковь. Поэтому ты лучше бы назывался преображенецъ, а не истинный христіанинъ.

2-й. Мы жениться не возбраняемъ, а на кладбищѣ не производимъ браковъ, не ѣдимъ мяснова и не пьемъ вина, потому что здѣсь монастырь нашъ, а въ монастыряхъ браковъ нигдѣ не имѣютъ и мяса не ѣдятъ, и питейныхъ домовъ не строятъ.

1-й. Все это пустыя отговорки; въ монастыряхъ живутъ монахи, на вашемъ же кладбищѣ всѣ бѣльцы, а не монахи; слѣдовательно ваше кладбище не есть монастырь. Въ монастыряхъ монахи хотя сами мяса не ѣдятъ, но работникамъ монастырскимъ не запрещаютъ, а вино дозволяютъ пить по уставу и монахамъ и бѣльцамъ, а у васъ никому. Не возбраняете жениться только на словахъ, а на дѣлѣ строго воспрещаете и женатыхъ къ общему моленью не допускаете; а въ монастыряхъ не запрещается приходить молиться женатымъ даже и съ женами и съ дѣтьми. У васъ не вѣра, а совершенный развратъ, и все ваше общество, по этому вашему ученію, блудническое, о которомъ сказано, что поборницы антихристу будутъ Едомъ и Моавъ, т.-е. общество сластолюбивыхъ блудниковъ. У васъ блудодѣяніе не есть порокъ одного человѣка, а есть главное основаніе всей вашей секты. Поистинѣ вы поборницы антихристовы.

Словопреніе прервано было появленіемъ идущаго на могилы чиновника въ статскомъ платьѣ. 1-й собесѣдникъ спросилъ 2-го: кто это такой?

— Это здѣшній смотритель.

— Такъ надъ вами есть смотритель?

— Есть, да еще не одинъ, есть еще нáбольшой надъ нимъ.

— Что же они здѣсь дѣлаютъ?

— Они за здѣшнимъ мѣстомъ надсматриваютъ и за насъ вездѣ хлопочутъ у начальства.

— А не стѣсняютъ они васъ и не ограничиваютъ вашихъ бредней и особенно тѣхъ, которые вредны государству?

— Нѣтъ, они у насъ добрые люди, они за насъ, а не на насъ, они наши главные защитники.

— Жалованье они получаютъ отъ васъ, или нѣтъ?

— Я этого не знаю, но за ихъ къ намъ благодѣянія, Господь невидимо имъ счастье посылаетъ. Вотъ этотъ смотритель поступилъ къ намъ бѣднымъ человѣкомъ, а теперь сталъ богатъ, купилъ домъ, деревню и вотъ пріѣхалъ сюда въ каретѣ парою, въ большой чинъ произведенъ,—вонъ его карихъ лошадей-то проѣзжаютъ.

— Значитъ ваше мѣстечко тепленькое?

Не дослушавъ окончанія бесѣды, я пошелъ слушать вечерню на мужскомъ и на женскомъ дворахъ. Пѣніе было крюковое; слова выпѣвали съ разными прибавленіями, а именно: въ стихирѣ Богородицѣ слова: *Петръ же видѣвъ*, въ пѣніи произносили: *Петро видѣвоша*; вмѣсто *Господи воззвахъ къ тебѣ*, пѣли: *Господи воззвахо ко тебѣ*, и проч.; а на женскомъ дворѣ пѣли и читали въ носъ.

По окончаніи служенія я подошелъ къ настоятелю, поклонился ему и сказалъ: здравствуй, отецъ, скажи намъ пожалуйста, для чего у васъ поютъ въ носъ.

Настоятель. Такъ повелѣно ср. отцами, которые сами слышали ангельское пѣніе и по подобію ангельскому передали Христовой Церкви.

Я. Для чего же въ пѣніи произносятъ испорченныя и непонятныя слова?

Настоятель. Такъ установлено издревле и такъ пѣвали св. отцы и этимъ пѣніемъ спаслись; по этому и мы такъ поемъ. Вотъ взгляните, книги-то у насъ древнія.—При этихъ словахъ подалъ намъ потные крюковые ирмосы; они писаны за сто лѣтъ, уставомъ и по крюковымъ нотамъ, безъ всякаго соблюденія правописанія и съ непонятными выраженіями. Я, увидавъ ирмосъ 7-й пѣсни на Рождество Христово написаннымъ такъ: «весехо царя укориша», спросилъ настоятеля: что эти слова означаютъ? на что онъ отвѣчалъ слѣдующее:

— Это значитъ: Весеха былъ царь; такъ его звали

Весехомъ,— и онъ покорился предъ Рождествомъ Христовымъ.

Я. Вы криво толкусте. Въ ирмосѣ идетъ рѣчь не о Весехѣ, какомъ-то царѣ, а о *Всецарѣ*, т.-е. о Вседержителѣ Богѣ, и не о томъ, что Весеха покорился, а о томъ, что отроки, уловленные любовію къ Всецарю, *укорили* злословіе вавилонскаго мучителя.

Настоятель. Такъ ли, не такъ ли толкуемъ, только намъ нельзя такъ пѣть, какъ говоримъ,—это будетъ повое, а не старое; а старое заведено св. отцами, мы перемѣнить его не смѣемъ; апостолъ Павелъ глаголетъ: аще кто прибавитъ, или убавитъ, тотъ да будетъ анаѳема. Вотъ какая страшная клятва наложена на нововводниковъ церковныхъ.

Я. Вы бы пѣли такъ, какъ у васъ напечатано въ книгахъ печатныхъ.

Настоятель. По печати невозможно пѣть, тамъ нѣтъ крюковыхъ распѣвовъ.

Я. Вы могли бы слова выписать оттуда, а надъ ними надписать нотные крюки изъ пѣвчей книги.

Настоятель. Да это будетъ ужъ новое пѣніе, а не старое; а мы какъ оно было въ древности, такъ его и содержимъ, а перемѣнить боимся клятвы.

Я. Можетъ быть св. отцы пѣвали не такъ, какъ поете теперь вы?

Настоятель. Нѣтъ, батюшка, что они такъ пѣли, это мы знаемъ вѣрно, это намъ доказали предки старинными книгами; они и спаслись по такимъ книгамъ.

Я. Да можетъ быть святые-то не по этимъ вашимъ книгамъ пѣвали, и спаслись не отъ того, что такъ пѣли, а за другія добродѣтели?

Настоятель. Нѣтъ, прости, объ этомъ вамъ столько не знать, сколько мы знаемъ. Мы и денно и нощно пребываемъ на книгахъ и знаемъ, что по этимъ старописьменнымъ книгамъ пѣли святые; по нимъ они спаслись; таковыя книги содержимъ для спасенія и мы. Еслибы можно было допустить, что св. отцы ошиблись, да спаслись, такъ

и мы грѣшные, по примѣру ихъ, ошибемся и спасемся; а перемѣнить боимся наложенныхъ престрашныхъ клятвъ, которыхъ не только что понести, но и вымолвить страшно.

Въ сіе время подошелъ ко мнѣ одинъ, по видимому изъ прихожанъ кладбищенскихъ, и раскрывъ другую пѣвчую книгу, сказалъ мнѣ: древнее крюковое пѣніе есть вещь мудрая и заключаетъ въ себѣ великое таинство; потому, и не можно объ немъ судить такъ, какъ мы судимъ о словахъ и рѣчахъ старопечатныхъ книгъ. Вотъ взгляните: у насъ во время всенощной на псалмѣ: Благослови душе моя Господа, въ припѣвѣ пропѣваются греческія таинственныя слова: ай, не, не, най, ай, не, не, най, а ни. Вотъ можете ли что понимать?

Я, замѣтивъ въ книгѣ, что въ распѣвѣ написано: «слава ти Господи, ай, не, не, не, най, ай, не, не, най, ай, не ни сотворившему вся», сказалъ, что тутъ понять ничего не могу, а полагаю, что сіи слова ничего не означаютъ, а поставлены для протяжности пѣнія.

На сіе подошедшій отвѣчалъ: кажется вы люди образованные, а понять не можете богословскихъ словъ. Я просилъ его объяснить мнѣ таинство сихъ словъ. Уважая мою просьбу, онъ раскрылъ старопечатный октай, показалъ мнѣ выходъ и сказалъ: октай печатанъ при Іосифѣ патріархѣ; потомъ нашелъ въ какомъ-то канонѣ Богородиченъ, въ которомъ говорилось: «Пресвятая Дѣво, не остави насъ въ треволненіи, яко не непричастни быхомъ твоего покрова», и, показавъ эти слова мнѣ, спросилъ, понимаю ли я ихъ? и не дожидаясь отвѣта, прибавилъ: вотъ и въ печатныхъ книгахъ находятся слова такія же какъ въ пѣвчихъ — *не, не*, и сіи слова богословскія: ибо октай сочиненъ Іоанномъ Дамаскинымъ; а Іоаннъ Дамаскинъ былъ богословъ и сочинилъ Богословію; слѣдовательно и слова—*не, не*—богословскія, а не простыя. И послѣ таковаго объясненія закрылъ книгу и взглянулъ на меня съ улыбкою самодовольствія.

Я, видя, что отъ таковыхъ собесѣдниковъ ничего больше

узнать невозможно, и что они не боятся злоупотреблять даже словами святыхъ отцовъ, поблагодарилъ ихъ за объясненіе и ушелъ на мужской дворъ. Тамъ собирали вечернюю трапезу внизу, а въ молельнѣ надъ воротами оканчивали вечерню. По окончаніи вечерни старики, занимавшіе должности настоятелей и учителей, сѣли въ молельнѣ. Одинъ изъ нихъ, какъ оказалось, не здѣшній, а пріѣзжій ,— подошелъ къ клиросамъ и взявъ подручникъ *), положилъ предъ иконами два поклона поясныхъ, а третій земной, и, подошедъ къ сидѣвшимъ настоятелямъ, поклонился имъ въ землю, а они ему въ отвѣтъ кивнули головами и позволили ему сѣсть на стулѣ противъ нихъ.

Одинъ изъ настоятелей спросилъ его: Како спасается о Христѣ единовѣрная братія въ нашемъ градѣ?

Пришедшій. Прости Христа ради, приказали тебѣ, отче, и всѣмъ православнымъ христіанамъ, а паипаче настоятелямъ сего богохранимаго сіонскаго Іерусалима, лицеземно кланяться. Просили твоего, отче, совѣта, какъ намъ съ молодыми ребятами поступать? У насъ бо они живутъ нынѣ очень вольно. Нѣкіи хотя и живутъ нечисто, да тайно, безъ зазора, и во грѣхахъ блудныхъ приносятъ покаяніе; а нѣкіи играютъ открыто свадьбы, дѣлаютъ вечерипы и поютъ о женящихся молебны, объявляютъ, что они бракъ свой и безъ вѣнчанія почитаютъ законнымъ, и обѣщаются до смерти жить неразлучно. Эти, прости Христа ради, дьявольскіе обѣты укрѣпляютъ присягою, цѣлуя святой животворящій крестъ Господень и пресвятое Евангеліе. Что съ нынѣшнимъ народомъ дѣлать и какъ управлять, наши старики ума-разума не приложатъ. Что̀ еще? на молебнѣ-то канонъ поютъ какой-то но-

*) Такъ называется подстилка квадратная, сшитая изъ какой-нибудь матеріи и набитая внутри ватою, или хлопкомъ, въ видѣ подушки, но очень тонкая. Подручникомъ называется потому, что когда кланяются въ землю, тогда подстилаютъ его подъ руки на полу.

вый, Монинскаго сочиненія, что̀ сочиненъ-то будто Скачковымъ, трясучкою проклятымъ, а не свято отеческой. Гдѣ это слыхано, чтобы читать каконъ сочиненный вновѣ, а не святымъ отцомъ? Вотъ истинно послѣднее время, и народъ уклонился въ сласти; а нѣкіи вѣнчаются въ церкви или выманиваютъ свидѣтельства у священниковъ, а послѣ того живутъ какъ мужъ съ женою, раждаютъ дѣтей и приносятъ къ намъ крестить. Что дѣлать, отче, въ сіе безчинное и самовольное время?

Настоятель. Прости Христа ради, мы и сами съ этою сволочью монинскою бились долго, да Господь услышалъ нашу грѣшную молитву,—стариковъ ихъ поубралъ въ тартарары, а молодые наши отщепенцы взялись опять за умъ и приходятъ къ намъ съ покаяніемъ. По правилу не должно бы у нихъ дѣтей крестить, да боюсь, совсѣмъ уйдутъ въ церковь; а уйди изъ этихъ женатыхъ въ церковь одинъ, за нимъ другой и третій, а послѣ и содержать братію нечѣмъ будетъ. Или пожалуй заведутъ которы (несогласія) и ссоры, какъ заводилъ въ 1816 году Лаврентій Осиповъ у насъ въ Москвѣ, да и пойдутъ подъ иновѣрный судъ и насъ туда притянутъ. А ты самъ знаешь, 21-мъ правиломъ бывшаго въ Польшѣ 7263-го лѣта собора подъ иновѣрный судъ ходить запрещено; а на презирающихъ это правило повелѣно соборомъ налагать епитимію 1000 поклоновъ. Нынѣ сіе правило презираютъ и христіанство отъ этого содержатъ слабѣе, да что и говорить? Смѣсишася съ языки и навыкоша дѣломъ ихъ злымъ.

Пришедшій. Прости Христа ради, отче, вотъ у васъ такіе продерзатели уничтожаются, а у насъ по городамъ прежде ихъ и не слыхано было, а нынѣ появились и умножаются, и отъ нашего стада отбиваютъ овецъ соблазномъ брачнымъ, а народъ молодой падокъ. Обѣщай женить, и писаніе въ сторону, и святому цѣломудрію и дѣвству скажетъ: прощай,—и былъ таковъ; а послѣ еще и намъ сдѣлается врагъ. Вамъ бы этихъ плевельныхъ

выродковъ надобно было въ началѣ исторгнуть съ корнемъ прежде еще жатвы, а то вотъ они отъ васъ къ намъ перешли, словно крысы къ сосѣду, вражіимъ колдовствомъ перегнанные.

Настоятель. Вы указывайте имъ въ Кормчей на 43 и 50-ю главы; здѣсь сказано, что бракъ можетъ составиться отъ православнаго священника чрезъ вѣнчаніе; а у насъ нынѣ нѣтъ во всемъ мірѣ православныхъ священниковъ нашего согласія. Когда будемъ имѣть въ своемъ согласіи своихъ православныхъ поповъ, тогда и жениться будемъ позволять; а своихъ-то поповъ не дождемся пожалуй до втораго страшнаго Христова пришествія.

Пришедшій. Прости Христа ради, мы это имъ говорили и читали имъ въ Кормчей новую заповѣдь царя Алексѣя Комнина; а они говорятъ, что во времена апостольскія вѣнчанія не было христіанамъ и послѣ имъ вѣнчанія не было болѣе 1000 лѣтъ, а все христіане жили въ бракѣ, и бракъ былъ у нихъ честенъ и законенъ. Апостолъ Павелъ призналъ бракъ законнымъ у самыхъ язычниковъ, у которыхъ нѣтъ и совсѣмъ никакого вѣнчанія. Да еще что, прости Господи, говорятъ, и не вымолвишь безъ страху: говорятъ, что основаніе браку самъ Богъ положилъ еще при сотвореніи свѣта и благословилъ тогда Господь всѣхъ брачущихся, сказавъ Адаму: «Растите́ся и множите́ся, и наполняйте землю и обладайте ею»,—и приводятъ отъ Златоуста и отъ другихъ святыхъ разныя свидѣтельства въ свое оправданіе; да только свидѣтельства эти, прости Христа ради, все больше новыя—изъ бесѣдъ Златоуста на апостольскія посланія, печатанныхъ въ Кіевѣ, да изъ Четьихъ миней.

Настоятель. Прости Христа ради, бесѣдъ и Миней Четій старопечатныхъ, точно, нѣтъ, а въ Кіевѣ печатались тогда, когда Польша заразилась уже уніею. Поэтому эти книги новыя читать грѣшно, мы всѣмъ запрещаемъ чтеніе оныхъ; а которые насъ не послушали и читали, тѣ соблазнились оными и женились. Эти книги о бракахъ соблазнительны

для насъ и очень опасны; отъ новыхъ сочинителей какъ можно дальше должно убѣгать; а то зачитаемся и погибнемъ. И если на самомъ дѣлѣ Златоустъ и другіе святые писали что о бракѣ, то это писано было на время до пришествія антихриста; а мы живемъ ужъ тогда, когда, по Апостолу, «прешелъ образъ міра сего» и приближается кончина вѣка сего; потому-то не все написанное должно намъ принимать нынѣ въ уваженіе.

Въ это время пришелъ книжный, т.-е. одинъ изъ пѣвцовъ, и сказалъ настоятелю, что пріѣхалъ къ нимъ Елисей Саввичъ Морозовъ. Настоятель сказалъ: полно толковать о бракахъ, Морозовъ этого не любитъ, а то пожалуй осердится и присылать милостыни не станетъ; онъ человѣкъ грубый какъ желѣзо, никуда не нагнешь; во всемъ съ нами согласенъ, кромѣ браковъ; отъ своего мнѣнія о бракѣ отступится можетъ быть развѣ тогда, какъ дочерей отдастъ, сына женитъ, а самъ овдовѣетъ. Послѣ этихъ словъ настоятель всталъ, сдѣлалъ образамъ три поклона и одинъ самый низкій собесѣдникамъ, а они ему еще ниже поклонились, чуть не въ землю, и разошлись.

Послѣ сего вышелъ я изъ молельни и пошелъ опять на могилки, на которыхъ гулялъ народъ и стояли большія толпы народа вокругъ словопрителей. Я вслушался въ слѣдующій разговоръ.

— Я слышалъ, ты жену схоронилъ.

— Да, вотъ ужъ послѣ того прошло два мѣсяца.

— Куда же ты теперь ходишь молиться?

— Куда ходить? дома молюсь.

— Что ты упрямишься? Давно бы пришелъ на кладбище; ты ужъ старъ, жены тебѣ не нужно, а гдѣ найдешь нынѣ такую святыню, какова собрана на кладбищѣ: иконы, книги, даже иконостасы всѣ почти древніе,—чего еще отъ Бога желать; умремъ, а лучше кладбищенской святости нигдѣ ничего не увидимъ.

— Не о женѣ и старинной святынѣ толкъ, а толкъ

о вѣрѣ. Ты знаешь, я браковъ отвергать не могу потому, что гнушающіеся брака Гангрскимъ соборомъ прокляты; а на кладбищѣ браковъ не пріемлютъ, и за царя не молятся, въ чемъ я съ вами согласиться не могу.

— Что тебѣ до браковъ? Ахъ старичекъ, старичекъ! твои ли ужъ лѣта о бракахъ толковать? Тебѣ вѣдь не жениться; кто хочетъ жениться, тотъ пусть найдетъ священство поставленное патріархомъ Іосифомъ и тамъ повѣнчается. А за царя что молить? Намъ съ тобою не воевать и министрами не быть; хочетъ онъ—въ покоѣ живетъ, хочетъ—воюетъ, намъ за него не отвѣчать; какъ хотятъ, такъ и воюютъ. Ты о себѣ-то потолкуй; остался отъ всѣхъ Монинскихъ одинъ. На вотъ тебѣ два письмеца, почитай ихъ у себя дома, они писаны—одно самимъ батюшкою Ильею Алексѣевичемъ, а другое нашимъ доблестнымъ проповѣдникомъ и страстотерпцемъ Сергѣемъ Семеновичемъ Глусскимъ. При сихъ словахъ вручилъ ему оныя письма.

— Чрезъ запрещеніе браковъ нарушается естественный законъ, который данъ человѣку отъ самого Бога. Вы, запрещая бракъ, умножаете блудничество. Ты скажи: кто у васъ изъ всѣхъ хоть одинъ соблюлъ и соблюдаетъ дѣвство, вами для всѣхъ положенное непремѣннымъ закономъ?

— Да что намъ до чужихъ грѣховъ? Тайный грѣхъ тайно судится.

— Не о чужихъ грѣхахъ я говорю, а о самой вѣрѣ, заразившей всѣхъ васъ блудомъ. А за царя не молите почему?

— Что ты, что ты разгорячился? Мы молимъ за царя; ты самъ знаешь, что на ектеніи «Господи помилуй» 40 поемъ и на утрени въ псалмѣ 19-мъ читаемъ: «Господи, спаси царя и услыши ны, въ оньже день аще призовемъ тя».

— Знаю, знаю вашу ложь: вы *Господи помилуй* говорите 40 потому, что такъ постановлено въ уставѣ, а возгласовъ о моленіи за царя не читаете; посему вы *Го-*

споди помилуй поете за себя, а не за царя. Псаломъ читаете: «Господи, спаси царя», не потому, чтобы вы здѣсь разумѣли царя, а знаете изъ толкованія псалмовъ, что сей псаломъ не содержитъ въ себѣ прямаго моленія за земнаго царя, а писанъ весь о Христѣ и царемъ въ семъ мѣстѣ называется Христосъ, которому надлежало съ діаволомъ бороться и претерпѣть распятіе на крестѣ. Притомъ говорите вы, что всякій человѣкъ самъ надъ собою есть царь, и на семъ основаніи эту молитву приносите за себя, а не за царя, и сю прикрываете свое немоленіе за царя. Еслибы вы принимали прямое моленіе за царя, то для чего бы вамъ было тропарь о царѣ читать такъ: Спаси Господи люди своя и благослови достояніе свое, побѣды православнымъ христіанамъ даруй? И въ другихъ подобныхъ мѣстахъ, гдѣ именно постановлено моленіе за царя, вмѣсто царя помнаете православныхъ христіанъ. Гдѣ у васъ война, какой вы просите себѣ побѣды? Что вы, республеканцы что ли?—Святыхъ мощей не почитаете, а если кто сходитъ въ Успенскій соборъ или въ Сергіеву Лавру поклониться онымъ, тѣхъ наказываете епитиміями; св. иконамъ древнимъ, находящимся у женатыхъ, не поклоняетесь; а другой лицемѣръ иногда еще скажетъ: ахъ какъ икона хороша, древняя и олифа старая: помолился бы, да руки нечисты. Лицемѣры вы, лицемѣры!

— Да ты раскуси прежде писаніе, тогда и толкуй; велѣно молить за царей православныхъ, или хотя за язычниковъ и за христіанскихъ еретиковъ, только склонныхъ къ обращенію, да и не въ антихристово время. Нынѣшній царь не нашей вѣры, и имя носитъ на себѣ римское—императоръ, а не—царь, какъ напечатано въ древнихъ книгахъ; а въ Римѣ теперь папская вѣра, не православная. А всякое сообщеніе съ папою христіанамъ запрещено и не велѣно за него приносить никакого моленія. Папа имѣетъ власть духовную и гражданскую: и нашъ царь управляетъ гражданскою частію и вмѣстѣ въ Синодѣ присут-

ствуетъ, и о насъ судитъ самъ. Притомъ какой же побѣды просить царю, когда онъ не разрѣшаетъ намъ строить новые молитвенные дома и проповѣдывать слово Божіе, переходить къ намъ отъ церкви, именуетъ насъ раскольниками и старается насъ перевести въ церковь; а самъ къ намъ и не думаетъ переходить. Теперь смотри, какой просить ему побѣды,—надъ самими нами что ли? И безъ сего скоро всѣ сами по себѣ уничтожимся отъ уклоненія въ женитьбу. Если въ міръ придетъ самъ антихристъ и будетъ гнать и убивать пророковъ Илію, Еноха и Евангелиста Іоанна, не просить ли и тогда побѣды на враговъ, то-есть: на насъ самихъ въ лицѣ пророковъ и Евангелиста?—Также объ мощахъ и иконахъ сказано въ писаніи: «аще мѣсто обдержатъ нечестивіи, бѣгай онаго»; и еще сказано: «на мѣстѣ святѣ будетъ запустѣніе». Посему какой святости искать въ мощахъ или иконахъ, кои находятся въ рукахъ иновѣрныхъ? Ясно сказано, что на мѣстѣ святѣ будетъ запустѣніе, то-есть святости уже при мощахъ и иконахъ у иновѣрцевъ не будетъ никакой, и они будутъ пусты благодати Божіей.

— Проклятое твое ученіе, а съ нимъ и ты проклятъ!

— Не горячись, не горячись, подумай, — ты скоро умрешь, а похоронить тебя у васъ некому, несмотря на твой большой капиталъ; останешеся безъ помину. Подумай лучше, и переходи къ намъ; безъ нашихъ никто и погребенія по тебѣ не отпоетъ; вѣдь ваши Монинцы всѣ къ намъ обратились, и тебѣ пора.

— Не пѣть погребенія по мнѣ вашимъ. Я не былъ кладбищенскимъ и не буду.

— Да какой же ты?

— Пріемлющій браки и моленіе за царя. Къ вамъ я никогда не пристану. Вы—великіе кощуны. Вотъ напримѣръ Алексѣй Терентьевъ, послѣ соборовъ вашихъ, на которыхъ уложили уничтожать у своихъ прихожанъ части св. мощей и непоклоняться иконѣ всѣхъ скорбя-

щимъ Радости, обобралъ вездѣ на кладбищѣ по кельямъ таковыя иконы и мощи, побросалъ въ ретирадныя мѣста. И покаралъ же его Богъ за это: недѣли чрезъ три послѣ этого онъ съ ума сошелъ, и самъ ѣлъ свой калъ, сидѣлъ на цѣпи. Явно наказанъ Богомъ, и вы будете наказаны, если не раскаетесь въ своихъ дерзкихъ вракахъ. Прощай и обо мнѣ не тужи, а подумай о себѣ; пора и тебѣ раскаяться и придти въ здравое чувство.

— Нѣтъ, ты заврался очень много, образумишься еще и будешь нашъ. Иначе на томъ свѣтѣ увидишь, какъ тебя съ женою будутъ поджаривать на сковородкѣ. Тогда запоешь не то, да поздно ужь будетъ; въ адѣ никто не исповѣдывается.

Такъ окончился ихъ разговоръ, и они разошлись, не глядя одинъ на другаго. Второй изъ собесѣдниковъ вынулъ изъ кармана данныя ему первымъ письма и бросилъ на могилкахъ; а я, идя позади его, поднялъ и взялъ къ себѣ.

Одно изъ этихъ писемъ было отъ Кавылина по такому случаю: въ 1771 г. одинъ поповецъ сдѣлалъ Ильѣ Алексѣевичу Кавылину, между прочими, слѣдующій вопросъ: браки и дѣторожденія у христіанъ до самаго ли пришествія Христова будутъ? повѣждь ми. Аще не будутъ, то кій пророкъ предвозвѣсти? На сіе Илья Алексѣевичъ отвѣтствовалъ тако.

„Во время паденія Вавилонскаго гласъ жениха и невѣсты не услышится; и паки: время открыетъ и искусъ цѣломудрствующихъ, тогда и во чревѣ имущіи разсядутся, и горе непраздным и доящимъ въ тыя дни; и браки безчинные возлюбятъ якоже при Ное и Лотѣ. И по проречennомъ разсыплется рука людей освященныхъ и жертва и жреніе возмется. И паки: и осквернятъ священіе, и представятъ учащеніе и дадятъ мерзость запустѣнія, и прочая. Къ сему же и Богодохновенный органъ, въ горькоболѣзненномъ своемъ словеси о скончаніи міра, плачевно бряцая, возглашаетъ: внушите вси живущіи на вселеннѣй, вкупѣ богатъ и убогъ, мужескъ полъ и женскъ, черноризецъ и мірскій, старецъ и юноша, дѣвы и старцы земстіи, царіе и вси судящіе земли, послушайте писаннаго: время сокращено

есть; да имущіи жены яко не имущіи будутъ; тѣмже убо отвергше нечистотная мірская похотѣнія, благочестно и праведно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще блаженныя надежды и явленія великаго Бога и Спаса нашего Ісуса Христа".

„Аще сія тако будетъ, то кія браки? Кое сочетаніе? Кое чадородіе, егда чрезъ волю Божію совокуплятися будутъ, кромѣ написанной отъ святыхъ церемоніи, кромѣ благословенія руки людей освященныхъ, кромѣ молитвъ ангелословныхъ? И паки: кромѣ священнословія совокупляющіеся на грѣхъ сходятся, и отъ святыхъ ангелъ безсвященнословныя браки блудомъ имяпуются, и яко блудодѣйствующія отъ воздушныхъ мытоимцевъ истязуются. И тако сіи браки не законни, паче же беззаконни, и ничтоже суть".

Другое письмо отъ настоятелей Преображенскаго кладбища къ московскому фабриканту Василію Андреевичу Большову. Они прослышали, что онъ задумалъ жениться, и убѣждаютъ его удержаться отъ этого богопротивнаго намѣренія. Вотъ выдержка изъ этого широковѣщательнаго посланія.

„О избранный и великородный сыне Вышняго, камо заходиши свѣтлолѣстательное происхожденіе? Како отемнѣваеши злато искушенное? Како потускнѣваеши каменю измарагде? О! кто дастъ главѣ моей воду, и очима моима источникъ слезъ, да плачуся и возрыдаю скорому преложенію вашему? О! разумниче драгій, не вѣси ли, яко, ловяще, уловиша тя, яко птенца врази наши; уморяютъ въ настоящемъ мпролюбпомъ потоцѣ жизнь твою. О! презрядный нашъ знакомецъ, боюся, и трепетъ вступаетъ въ кости моя, еда како бы не сбылось на тя давыдское пророчепіе: еще брашну сущу въ устѣхъ ихъ, взыде гнѣвъ Божій на ня. Жалуется на вы Владыка глаголя: сыны родихъ, и вознесохъ, сіи же отвергошася мене, позна волъ стяжавшаго и, и оселъ ясли Господина своего, Іизраиль же мене не позна, и людіе мои не разумѣша мене. Плача, плачетъ паки по васъ создатель милосердый и человѣколюбивый: людіе мои, что вы сотворихъ, или чимъ вы стужихъ, отвѣщайте ми; возведохъ вы святымъ крещепіемъ отъ земли Египетскія, грѣховнаго и нечестиваго міролюбія, рукою крѣпкою и мышцею высокою, и не пребысте въ завѣтѣ моемъ, ни восхотѣсте послушати мене. Время послѣднее, время на самой громадѣ злобы стоитъ, кончина при дверяхъ, вечеръ приближися, се женихъ грядетъ со славою, се надежда христіанская открывается, се радость вѣчная изготовляется, се чертоги украшаются, се вѣнцы усвѣтливаются, се ризы брачныя испираются. Мы же отъ славы въ

безславіе склопяемся, мы отъ надежды въ нечаяніе скрываемся; мы отъ радости вѣчныя въ плачъ и трепетъ неисповѣдимый подлагаемся; мы отъ чертоговъ, въ хлѣвища обетшалыя и кальныя утекаемъ; мы въ вѣнцевъ мѣсто, терніемъ главы зободаемъ, мы пресвѣтлыхъ вмѣсто ризъ, каломъ ся мараемъ. О! лютѣ, О! лютѣ мнѣ! Како коварствуя уловляетъ агньца незлобиваго, агньца непорочнаго, чадо церковное, чадо сіоне, чадо Іерусалимле? Плачетъ о васъ мать родившая тя: О! плодъ болѣзни моея. О! подпора нищетѣ моей. О! сладкое мое чадо! что ти бысть; како нищетѣ моей погнушался; тебе ради женихъ мой сниде на землю; тебе ради въ нищетѣ поживе долгія лѣта, тебе ради наругапія и пасмѣванія, и конечнѣе поносную смерть прія, да искупитъ тя отъ пасилія вражія; тебе ради и азъ, невѣста его, выну день и нощь отъ змія крыяся бѣгаю и въ той незгодѣ породихъ тя, въ той незгодѣ воспитахъ тя; въ той незгодѣ обогатихъ тя, да пегли малое нѣкое пріобрящу себѣ утѣшеніе. Что ти бысть подпора моя, возненавидѣлъ мя породившую тя; отвратился еси отъ доившія тя, бѣжиши отъ воспитавшія тя, радосте моя, къ кому утѣха моя, въ какое прохлажденіе? Что ти бысть? камо грядеши, камо спѣшиши, юнотко моя? услыши гласъ плача матери своея, отри слезы горестныя—родившія тя; ужели чадо уязвленъ еси? покажи струпъ, и абіе излѣчу тя. Ужели любезное мое порожденіе, палъ еси? Востани абіе, готова тя подъяти, готова тя во объятія пріяти, готова тя въ нѣдра паки скрыти; неотчай себе, небуди ловъ и обряща врагу моему; размысли разумпиче, коль добро и коль красно жити съ братіями своими вкупѣ; коль же зло и коль богомерзко и мрачно свинопасцемъ быти. Женихъ мой болѣзнуя, яко человѣколюбецъ, вопіетъ съ плачемъ: горе непраздным и отъ сосцу доящимъ въ настоящее время. Ты ли, скорбь моя, хощеши веселіе обрѣсти, сынъ мой? Ездра пророкъ свидѣтельствуетъ, пути (брачныя) и вси стезя ея терніемъ заростутъ, занеже непройдутъ законно человѣцы по нимъ. Ты ли силенъ еси съ веселіемъ ступати по нимъ? Ты ли еси терніемъ неблагословеннаго брака стопы жизни твоея не истнши? Восплачутся, рече, дѣвы, неимуще обручника; ты ли любопришися съ Богомъ яко силенъ оныхъ утѣшити? Восплачутъ, глаголетъ, жены неимѣющіе мужа. Ты ли ся хощеши нарещися мужъ? Восплачутся дщери ихъ неимущи помощи; ты ли помощникъ тщаливъ, выискался еси? Не слышиши ли конечное отсѣченіе: обручники ихъ во брани скончаются. Въ какой? всемірнаго отступленія. Охъ дерзости! не препритъ ли тя первенецъ мой, тренебесный птищъ, Павелъ божественный: добро человѣку еже тако быти. Или ты единъ разумнѣе его сталъ ся сказать не добро, но зло. Скорбь же плоти имѣть будутъ таковіи; или ты могучнѣе всѣхъ, противяся Духу святому? Скажеши: нѣсть скорби, но утѣха. О! гдѣ

твое благородіе? О! гдѣ мое къ тебѣ наказаніе? какъ скоро хочешь быть злороднымъ? Еще ти другаго свидѣтеля, Христовыхъ и Павловыхъ устъ златоязычника Іоанна представляю, послушай, что онъ ти глаголетъ: хощу, да свободны будете. О! разумниче мой милый, онъ ти свободу сказуетъ, ты узы и темницу себѣ строишь. Послушай Павла и Златоуста, вѣрныхъ монхъ. Ужели отрекся въ конецъ; ужели не вспомниши болѣзни рожденія моего? Имущіи, рече, жены, яко неимущіи будутъ. Іосифъ волоцкій сіе и на еретическія браки веліе обличеніе, иже женятся и посягаютъ и папежники и люторове, признаетъ. Сисиній же патріархъ Цареградскій, сіе и на всякіе беззаконныя браки разумѣетъ быти. Что се твориши чадо мое? Откупися отъ погибели вѣчныя, откупися отъ гражданства того вавилонскаго, исключись изъ области богомерзкаго антихриста; выпишись изъ сквернаго того гражданства; буди паки чадо мое любезное, буди чадо сіоне; женихъ мой тя пріиметъ, паки въ покровъ чистоты славно введетъ; паки тя обогатитъ. Сіе и сицевая, мать наша общая, хлипая и рыдая, тебѣ нами смиренными вѣщаетъ, и нашему убожеству жалостно клицаетъ, да съ ней бодренно побдимъ, и васъ отъ такія пропасти свободнмъ. Такъ припадаемъ и мы смиренные и убогіе, помилуй свою душу; возрадуй и обвесели всѣхъ насъ, жалѣющихъ; посрами же мерзкихъ ефіоповъ, плещущихъ и ликующихъ о вашей погибели. Аще ли же и за симъ конечнымъ моленіемъ не обратишися, и такое богомерзкое начинаніе въ дѣйство произведеши; тогда отлучаетъ тя святая соборная апостольская церковь отъ Святыя Троицы, и отъ всея о Христѣ собранныя братіи пріобщенія. О! не буди на тебѣ сему печальному осужденію свершити; но паче ускори, ускори, дондеже во власти твоей есть обратитися и живу быти. Остаемся, Алексѣй, Сергѣй, Лука *) милостиваго государя нашего доброжелательными богомольцами“.

Сіе письмо сочинено и доставлено отъ нихъ къ Большову 1806 года. Онъ, получа сіе письмо, однакожъ сопряжеся съ Ѳеодосіею Григорьевною 1806 года октября 15 чис. Онъ скончался 1817 года іюня 15 числа, жилъ въ супружествѣ 11 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, 15 дней. Двѣ дочери Большова послѣ его смерти и жена его перешли на Преображенское кладбище. Василій Андреевичъ, какъ я уз-

*) Главные настоятели Преображенскаго кладбища: Алексѣй Тереньтьевъ, Сергѣй Яковлевъ Гнусинъ (онъ же и сочинитель сего письма,) и Лука Тереньтьевъ.

налъ, имѣлъ большой капиталъ и вотчины; посему Ѳедосѣяне старались удержать его въ своей сектѣ, дабы послѣ его смерти имѣніе его доставить, по ихъ выраженію, Христу, то-есть Преображенскому кладбищу. Подобныя письма къ бѣднякамъ своей секты они едва ли писали.

Въ заключеніе скажу, что я писалъ здѣсь только то, что̀ слышалъ отъ Ѳедосѣянъ, и писалъ въ формѣ разговора для того, чтобы лучше передать характеръ Ѳедосѣянъ и ихъ обороты въ разговорахъ. Изъ переданныхъ разговоровъ каждый можетъ увидать, что Ѳедосѣяне—народъ вѣроломный, коварный, пронырливый. Прихожане Преоб. кладбища преданы ученію Ѳедосѣя Васильева не потому, чтобы они сами его испытали и знали хорошо, а потому, что получили оное съ малолѣтства отъ своихъ отцовъ, а разсмотрѣніемъ св. Писанія сами не занимаются. Имъ даже запрещено этимъ заниматься, чтобы не развратиться и не отступить отъ своего ученія. По сейже причинѣ Ѳедосѣевцамъ строго запрещается учиться свѣтскимъ наукамъ, по ихъ выраженію, еретическимъ и бѣсовскимъ. Другіе занимаются священнымъ Писаніемъ, но толкуютъ его по своему, и выбираютъ только тѣ слова, которыя выхваляютъ дѣвство и порочатъ преданія еретичествующихъ, а объясненію постороннихъ людей не вѣрятъ и презираютъ его. Иные Ѳедосѣевцы привязаны къ своей сектѣ потому, что обязаны кладбищу большимъ кредитомъ и выгодами, которыхъ находящіеся внѣ ихъ секты пріобрѣсти не могутъ.

Былъ я на Преображенскомъ кладбищѣ и на другой годъ въ праздникъ Успенія Богоматери и видѣлъ тоже, что̀ описано выше, но встрѣтилъ одного почтеннаго старца православнаго вѣроисповѣданія и старожила Преображенской слободы, который мнѣ сказалъ слѣдующее:

«Да, батюшка, смотрѣть-то на здѣшнія зданія хорошо, но кто-то будетъ отвѣчать за нихъ Богу? Тотъ ли, кто ихъ строилъ, или тотъ, который видѣлъ начало стройки,

имѣлъ власть остановить и не остановилъ оную въ самомъ ея началѣ. Я слышалъ отъ Ивана Михайловича Снегирева, что на мужскомъ дворѣ соборная часовня, которая стоитъ среди двора, выстроена свѣдома Московскаго главнокомандующаго князя Прозоровскаго въ 1790-мъ году. Когда о такой постройкѣ дошло до свѣдѣнія государыни императрицы, то она 1792 года сдѣлала запросъ князю Прозоровскому: на какомъ основаніи допущена таковая стройка? Князь отвѣчалъ однимъ только извиненіемъ въ недосмотрѣ. Снегиревъ читалъ дѣло это въ Петербургскихъ государственныхъ архивахъ. Когда же эта постройка сошла съ рукъ подобру-поздорову, тогда уже выстроены еще на мужскомъ дворѣ молельни при больничномъ корпусѣ 1801-го и надъ воротами 1806 года, а на женскомъ дворѣ въ 1805 году шесть корпусовъ каменныхъ съ молельнями, названными Покровскою, Спасскою, Богоявленскою, Преображенскою (надъ воротами), Больничною и Ильинскою (для пріема подкидышей),—и всѣ эти зданія вошли въ планъ богадѣльни, представленный Кавылинымъ государю императору Александру Павловичу. А по смерти Кавылина выстроена на томъже женскомъ дворѣ, безъ всякаго разрѣшенія, самовольно, соборная часовня (среди двора), въ 1811 году. Впрочемъ не всѣмъ и безпоповцамъ нравились здѣшнія громадныя постройки, но тѣшили онѣ основателя ихъ Кавылина и доставили ему хорошій денежный кушъ, какъ главному строителю и поставщику кирпича съ его завода и самовластному распорядителю капиталами здѣшняго мѣста. Когда была отстроена на мужскомъ дворѣ главная часовня, называемая соборною, тогда Кавылинъ, для большаго своего торжества и прославленія своего имени, созвалъ со всѣхъ концовъ Россіи такъ называемыхъ отцевъ и настоятелей, и въ полномъ ихъ собраніи впервые соборнѣ совершилъ въ оной часовнѣ вечерню, всенощную, часы и молебенъ, и задалъ всѣмъ большой обѣдъ. Изъ всѣхъ пріѣхавшихъ отцевъ и настоятелей одинъ только, пользовавшійся въ

свое время большою популярностію, стародубскій настоятель Петръ Ѳедоровъ замѣтилъ Кавылину, что неимѣющимъ священства простымъ людямъ не слѣдуетъ служить въ такихъ храмахъ, а слѣдуетъ въ нихъ только освященнымъ людямъ. Это Кавылину очень не понравилось, и онъ тайно приказалъ своимъ послушникамъ убить Ѳедорова. А сколько здѣсь лишено жизни младенцевъ до рожденія и по рожденіи ихъ! Вѣдь дѣтоистребленіе, по правиламъ здѣшняго кладбища, не считается преступленіемъ, а спасеніемъ. А сколько здѣшніе настоятели обобрали своихъ послѣдователей, оставя ихъ дѣтей несчастными и бѣдными сиротами, безъ всякаго пріюта и призора за ними! У нихъ у всѣхъ одна проповѣдь: капиталы и имущество отдать кладбищу на свое поминовеніе, а о дѣтяхъ не заботиться, потому что они прижитыя блудомъ изчадія, а не дѣти отъ брака, котораго у нихъ нѣтъ по неимѣнію священства. Да, батюшка, на крови и слезахъ выстроены здѣшнія зданія. Я на это возразилъ, что все сказанное имъ относится къ давно минувшему времени; въ настоящее время этого не можетъ быть. Онъ мнѣ отвѣтилъ: что было прежде, все то продолжается и теперь. Недавно ходилъ по Преображенской слободѣ разсказъ, какъ здѣшній попечитель Матвѣй Григорьевъ въ полночь несъ на могилы въ кулькѣ задушеннаго новорожденнаго младенца и съ такою ношею попался на встрѣчу мѣстному квартальному надзирателю. Надзиратель, ничего преступнаго не подозрѣвая въ Григорьевѣ, какъ попечителѣ кладбища, купцѣ, фабрикантѣ, богачѣ и благодѣтелѣ даже для самого надзирателя, только спросилъ Григорьева: что это вы, Матвѣй Григорьевичъ, несете въ кулькѣ? Григорьевъ, пряча дальше кулекъ, отвѣчалъ: маленькое подаяньице кладбищу. Когда же надзиратель просилъ его показать ему кулекъ, тогда Григорьевъ сказалъ: Христосъ повелѣлъ творить милостыню втайнѣ, такъ чтобы шуйца не знала того, что творитъ десница; а то ужь не милостыня, о которой знаютъ всѣ.—Тѣмъ и отдѣлался отъ надзирателя, о чемъ самъ Григорьевъ послѣ

разсказывалъ своимъ пріятелямъ съ дополненіемъ, что при видѣ квартальнаго душа его ушла въ пятки, да Богъ выручилъ отъ антихриста.—При здѣшнемъ настоятелѣ Семенѣ Козминѣ пріѣхалъ въ Москву изъ Казани нѣкій безпоповецъ Алексѣй Яковлевъ, и пріютился на кладбищѣ для упражненія въ подвигахъ духовной жизни. Былъ онъ сначала помѣщенъ на скотномъ дворѣ; тутъ ему не понравилась большая суета, почему онъ былъ перемѣщенъ на могилы въ сторожку, на должность рабочаго и сторожа. Однажды онъ вышелъ изъ сторожки на кладбище и увидавъ тамъ на голубцѣ, то-есть на памятникѣ, лежащаго задушеннаго младенца, очень испугался, и безъ памяти, весь дрожа, обратился къ старшему сторожу, повѣдая о случившейся бѣдѣ; а старшой очень хладнокровно сказалъ ему въ отвѣтъ: что ты весьма испугался? Это здѣсь дѣло обыкновенное; иди на могилы въ уголъ, тамъ увидишь особую отдѣльную для такихъ младенцевъ незакопанную могилу, въ которой уже и во второмъ ряду много положено такихъ младенцевъ; разрой сверху песокъ, положи туда же и этого младенца и прикрой слегка пескомъ.—Это душегубство до того Яковлева поразило, что онъ немедленно оставилъ кладбище и уѣхалъ въ Казань и тамъ присоединился къ православію. Эхъ, батюшка! много здѣсь таковыхъ и тому подобныхъ проказъ, о которыхъ всего не перескажешь; а если все пересказывать, что я на своемъ вѣку видѣлъ здѣсь, тогда потребуется очень-очень много времени, а все же преображенцевъ вполнѣ не узнаешь; если же кто хочетъ точно и вполнѣ узнать преображенскаго безпоповца, тому нужно, какъ они сами въ этомъ случаѣ выражаются, съ каждымъ пожить вмѣстѣ и пожить столько времени, чтобы соли съѣсть по три пуда на каждаго. Кто раскольниковъ считаетъ невѣждами, простаками и добряками, тотъ жестоко ошибается, потому что этотъ народъ самый пронырливый, лукавый и коварный, въ подтвержденіе чего я вамъ скажу нѣсколько случаевъ изъ дѣлъ Ильи Кавылина и Семена Козьмина. Новопоступившій въ Москву

на службу вельможа богатый и неподкупный сначала не благоволилъ къ распространенію и усиленію Преображенскаго кладбища и не любилъ за распространеніе раскола Илью Кавылина. Какъ Кавылинъ ни подмасливалъ и ни ухаживалъ за служащими вокругъ вельможи, но дѣло его все не клеилось, потому что вельможа начальникъ просматривалъ дѣла самъ. Кавылинъ вызналъ всѣ наклонности, страсти, всѣ привычки и образъ жизни вельможи, и воспользовался страстною до безконечности охотою его къ породистымъ коровамъ. Кавылинъ купилъ четырехъ холмогорскихъ и другихъ породистыхъ коровъ, и въ одно прекрасное утро (живя самъ въ Преображенскомъ) велѣлъ выгнать въ стадо за Тверскую заставу, зная, что вельможа съ балкона своего жилища каждое утро любуется проходящими въ стадо коровами. Когда вельможа увидалъ коровъ Кавылина, то послалъ своего человѣка спросить, кому принадлежатъ эти коровы и могутъ ли онѣ быть проданы,—и узнавъ, что онѣ принадлежатъ Кавылину, задрожалъ и закричалъ: безъ ножа зарѣзалъ меня Илюшка Кавылинъ!—Однако желаніе имѣть у себя этихъ коровъ во что бы ни стало вынудило вельможу вызвать Кавылина къ себѣ и купить у него коровъ. Кавылинъ объявилъ, что онъ самъ до коровъ страстный охотникъ и онѣ у него не продажныя, а если желаете, то я ихъ вамъ подарю безвозмездно. Сколько вельможа ни боролся самъ съ собою, но охота одолѣла его, и онъ коровъ рѣшился принять въ даръ. Тогда Кавылинъ привелъ коровъ къ вельможѣ, съ ними привезъ нѣсколько возовъ сѣна, муки ржаной и овса, опредѣлилъ на свой счетъ коровника своего, желая тѣмъ выказать себя простымъ, добрымъ, нужнымъ и услужливымъ человѣкомъ, страстнымъ до охотникомъ породистыхъ коровъ, а чрезъ своего коровника (испытаннаго уже пролазу) слѣдить за дѣйствіями вельможи и окружающихъ его людей. Съ тѣхъ поръ Кавылинъ сдѣлался пріятелемъ и любезнымъ собесѣдникомъ вельможи.—Былъ въ Москвѣ непри-

ступный и тоже сначала неподкупный для Кавылина и другой начальникъ-вельможа, за которымъ очень долго ухаживалъ Кавылинъ и не зналъ, какъ и чѣмъ поймать его и сдѣлать благосклоннымъ къ Преображенскому кладбищу. Узнавъ страстную приверженность сего вельможи къ извѣстной породѣ лошадей, придумалъ такую хитрость. Купилъ любимой вельможею породы пару лошадей и карету, запрегъ ихъ при отличной сбруѣ въ ту карету и отправилъ съ кучеромъ къ дому вельможи, приказавъ кучеру оставить лошадей и карету у дома вельможи, а самому уйти отъ нихъ, что̀ кучеръ и исполнилъ. По прошествіи нѣкотораго времени вельможа увидалъ у своего дома любимой имъ стати лошадей съ каретою, вышелъ на улицу и спрашиваетъ своихъ людей: чьи эти лошади? Они отвѣчаютъ: не знаемъ. Спрашиваетъ: гдѣ ихъ кучеръ? Тоже отвѣчаютъ: не знаемъ. Между тѣмъ видитъ идущаго по тротуару Кавылина, и обращается къ нему такъже съ вопросомъ: чьи эти лошади? Кавылинъ смѣясь, отвѣчаетъ: «ваше сіятельство своихъ лошадей не узнали». Вельможа этимъ очень былъ разсерженъ и съ крикомъ говоритъ ему: какъ ты смѣешь такъ надо мною насмѣхаться? Кавылинъ на это говоритъ, что онъ не насмѣхается, а сказалъ только то, что слышалъ отъ подъѣхавшаго на тѣхъ лошадяхъ кучера, который на спросъ его: чьи эти лошади,—отвѣтилъ, что эти лошади и карета вашего сіятельства; я сказалъ вамъ только то, что самъ узналъ отъ кучера тѣхъ лошадей. Вельможа спросилъ Кавылина: гдѣ же этотъ кучеръ? Кавылинъ отвѣтилъ: не знаю, это дѣло уже не мое. Наконецъ вельможа понялъ, въ чемъ дѣло, и, сгарая страстью къ лошадямъ, опять обратился къ Кавылину съ вопросомъ: что же теперь дѣлать съ этими лошадьми? Кавылинъ съ усмѣшкою сказалъ: лошади ваши, вамъ и слѣдуетъ ихъ взять къ себѣ, — что̀ вельможею и сдѣлано. Съ тѣхъ поръ и у этого вельможи Кавылинъ сдѣлался любимымъ, самымъ близкимъ и уважаемымъ человѣкомъ. Вотъ и въ недавнее время одинъ вельможа, вновь посту-

пившій въ Москву на высокую административную должность, не долюбливалъ кладбище, сталъ преслѣдовать злоупотребленія онаго и въ особенности усиленную и ретивую пропаганду настоятеля его Семена Козьмина. Козьминъ старался задобрить его черезъ разныхъ лицъ деньгами, но вельможа оказался неподкупнымъ, несмотря на то, что былъ не богатъ и очень много задолжалъ и не имѣлъ средствъ къ платежу своихъ долговъ. Однажды является къ этому вельможѣ въ кабинетъ Козьминъ и, держа въ рукахъ множество скупленныхъ имъ чрезъ своихъ сектаптовъ долговыхъ обязательствъ вельможи на громадную сумму, говоритъ: «много дошло ко мнѣ вашихъ долговыхъ обязательствъ, и не знаю, что съ ними дѣлать. Я человѣкъ не торговый и не интересанъ, и поэтому всѣ эти ваши обязательства отдаю вамъ самимъ въ полное ваше распоряженіе: что знаете, то съ ними и дѣлайте». Козьминъ забралъ въ свои руки все достолніе вельможи, принесъ его къ нему и отдалъ ему. Дьявольское коварство и хитрость! Съ тѣхъ поръ вельможа сдѣлался благодѣтелемъ кладбища и покровителемъ Козьмина. А другому такому же высокопоставленному въ администраціи вельможѣ купилъ Козьминъ въ Москвѣ большой домъ и тѣмъ привлекъ его на свою сторону и сдѣлалъ защитникомъ и покровителемъ кладбища. Многое множество такихъ дѣлъ совершили здѣшніе кладбищенцы, исполняя, какъ они сами говорятъ, слова св. Апостола: нынѣ время купующее; нужно все покупать и всѣхъ подкупать тѣмъ, кто на что падокъ, кого деньгами, кого любимыми предметами, а кого молодыми дѣвицами. Руководители и правители сего кладбища всѣмъ и каждому изъ своей братіи говорятъ, что всѣ купленныя и задобренныя ими лица стоятъ за нихъ горою, вездѣ ихъ защищаютъ и за нихъ хлопочутъ, а безъ того всѣ противъ ихъ идутъ. Вожаки кладбищенскіе не жалѣютъ большихъ расходовъ (и для оныхъ каждый праздникъ собираютъ съ своихъ большія деньги) на поѣздки къ высокопоставленнымъ лицамъ въ разные

города и мѣста для поздравленія съ великими праздниками: Новымъ Годомъ и св. Пасхою; лукаво и обманно христосуются съ ними, говоря имъ вслухъ: «Христосъ воскресе», а про себя прибавляютъ: «Христосъ воскресъ только нашъ, а не вашъ, вашъ спитъ еще въ могилѣ». Безъ таковаго прибавленія христосоваться съ сретикомъ они считаютъ величайшимъ грѣхомъ *). Также кладбищенскіе почитаютъ величайшимъ грѣхомъ поздравлять православныхъ съ ангеломъ, потому что, по ихъ мнѣнію, ангелъ дается при крещеніи только тѣмъ, которые крещаются ихъ отцами, а крещеніе православнаго священника нѣсть крещеніе, но оскверненіе и при ономъ дается крещаемому не ангелъ Божій, а ангелъ сатанинъ; почему при поздравленіи съ ангеломъ православнаго, они, говоря вслухъ: «съ ангеломъ», въ тоже время прибавляютъ про себя: «сатанинымъ». Они прямо и откровенно христосуются только между своими, а съ прочими обманно, говоря, что и ложь бываетъ во спасеніе. Ѳедосѣевцы въ своихъ пронырствахъ и лести нисколько не уступаютъ Евреямъ, а еще превысятъ ихъ, и что говорятъ въ народѣ о Евреяхъ, тоже можно сказать о лукавыхъ и пропырливыхъ Ѳедосѣевцахъ: се новые Израильтяне, въ нихъже льсти нѣсть конца».

*) Почтенный старецъ къ сему дополнилъ еще слѣдующее: Ѳедосѣевцы только съ значительными людьми христосуются для полученія отъ нихъ своихъ выгодъ и пользы, а съ обыкновенными православными ни за что не станутъ христосоваться; а если самъ православный скажетъ имъ: Христосъ воскресе, они съ большею насмѣшкою и глумленіемъ скажутъ ему прямо: „у васъ, проклятыхъ еретиковъ, Христосъ не воскресъ еще; воскресъ у насъ только нашъ Христосъ Іисусъ, а не вашъ Іисусъ, который не есть Христосъ, а антихристъ“; и послѣ этого все же христосоваться не станутъ, а только надругаются надъ пожелавшимъ похристосоваться. И поздравленіе съ Новымъ Годомъ 1 января они считаютъ большимъ грѣхомъ, потому что это празднованіе новаго года еретическое и установлено еретиками въ царствованіе антихриста; а по старому благочестивому обряду новолѣтіе должно праздновать 1-го сентября, и тогда они празднуютъ Новый Годъ и съ онымъ другъ друга поздравляютъ.

Въ заключеніе своего разсказа о кладбищенскихъ дѣлахъ почтенный старецъ сказалъ мнѣ: прочитайте книгу Іоанна Златоуста о дѣвствѣ, и тогда больше поймете, какую цѣну имѣютъ добродѣтели и святость здѣшнихъ обывателей. Впрочемъ здѣсь не любятъ, и даже можно сказать—ненавидятъ Златоустовы писанія противъ бракоборства.

Послѣ того пріобрѣлъ я книгу св. Златоуста о дѣвствѣ и въ 5-й и 8-й главахъ прочиталъ слѣдующее:

Книга о дѣвствѣ гл. 8. „Аще бо не чисто супружество есть, то нечисты суть всѣ животныя, онымъ рожденныя, нечисты притомъ и вы; яко супружества, яко беззаконія отвращающеся, тѣмъ отвращеніемъ беззаконнѣйшими всѣхъ себе творите, изобрѣтше дѣвство блуда сквернѣйшее. Бракомъ ты не сочеталася, но не въ томъ дѣвство есть: ибо аще кто, имѣя власть въ бракосочетаніе вступити, но однако не вступаетъ, таковую могу нарещи я дѣвою. Когда же запрещеннымъ имянуеши ты быти сіе дѣло, то уже добродѣтель оная не по твоему произволенію бываетъ, но по нуждѣ закона".

Глава 5-я „Еретическое воздержаніе всякаго любострастія мерзостнѣе есть. Сіе бо человѣкомъ точію вредъ творитъ; оное же противъ самаго Бога вооружается, и безконечную оную порочитъ премудрость. Таковыя сѣти служителямъ своимъ діаволъ поставляетъ. Ибо яко его, безъ сомнѣнія, коварства изобрѣтеніе есть дѣвство еретическое. Не мое мнѣніе есть, но того, которому всѣ умышленія онаго не безъизвѣстны суть. Что же сказуетъ онъ? „Духъ явственнѣйше глаголетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣціи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бесовскимъ, въ лицемѣріи лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію, возбраняющихъ женитися, удалятися отъ брашенъ, яже Богъ сотвори въ снѣденіе". Како убо можетъ нарещися дѣвою отступившая отъ вѣры, льстепемъ внемлющая, демономъ повинующаяся и ложь чтущая? Како дѣвою можетъ быти, сожжена сущи совѣстію".

Въ таковыхъ словахъ св. Златоуста столько выражено святой и неоспоримой истины, что больше этого и говорить нечего о бракоборствѣ Преображенскаго кладбища,—это значило бы послѣ скобеля тесать топоромъ. А потому я и оканчиваю настоящее описаніе прогулки по Преображенскому кладбищу вышесказанными словами Златоуста,—такъ ясно, тонко и положительно объяснившаго зловредность бракоборнаго еретическаго ученія. Оно

зловредно не потому только, что непремѣннымъ закономъ полагаемое для всѣхъ дѣвство противорѣчитъ природѣ, но и потому, что создаетъ развратъ и распутство, подрываетъ благосостояніе и нравственность общества и неминуемо ведетъ за собою дѣтоубійство, а особенно тогда, когда за чадородіе установляется епитимія и даже самое отлученіе отъ общенія съ своимъ сектантскимъ обществомъ въ общихъ молитвахъ, яденіи и питіи.

А. С—нъ.

ство. Преданіе сохранило для насъ объ этомъ слѣдующее: архимандритъ постоянно наблюдалъ самъ лично за выварною соли и когда передъ какимъ-то праздникомъ рабочіе стали просить его пожаловать не много соли, онъ сказалъ: *вы на грѣхъ-то идите, да еще и понукать хотите грѣхомъ*, намекая этимъ на то, что рабочіе заблаговременно, безъ спросу взяли уже соли. То же преданіе говоритъ, что архимандритъ Пафнутій, не смотря на свои мудрыя распоряженія, на истинно-отеческую заботливость о пользахъ монастыря, подъ конецъ своего управленія навлекъ на себя какимъ-то образомъ ненависть своихъ подчиненныхъ. Замѣтивъ ее, онъ смирился чрезмѣрно: сложивъ съ себя знаки настоятельства, онъ добровольно сдѣлался пекаремъ. Когда и здѣсь злоба не преставала его преслѣдовать, онъ употребилъ послѣднее средство образумить заблудшихъ. Когда печь была истоплена, онъ, раздѣвшись совершенно, вошелъ въ нее и замелъ всѣ угли къ сторонѣ, какъ бы показывая тѣмъ, что если люди на него возстаютъ не справедливо, то стихія не смѣетъ сего сдѣлать. За симъ, когда не могло убѣдить озлобленныхъ и сіе чудо, онъ, вынявъ изъ печи хлѣбы и сдавъ ихъ кому слѣдуетъ, оставилъ неблагодарный монастырь и съ сумою и посохомъ странника пустился внизъ по Камѣ. Такимъ страннническимъ образомъ достигъ онъ Балахны, которая и приняла его останки. Тѣло Пафнутія покоится въ Никольской церкви, принадлежавшей прежде дѣвичьему монастырю, въ скитѣ. Народная молва (въ Дедюхинѣ и Пыскорѣ) считаетъ его праведнымъ.

(Продолженіе будетъ.)

Капитанъ Ильинъ и его послѣдователи.

Въ іюньской книгѣ „Православнаго Обозрѣнія“ за нынѣшній годъ помѣщена была интересная для пермяковъ „Сіонская Вѣсть.“ Для меня она имѣла интересъ тѣмъ большій, такъ-какъ основатель секты капитанъ Ильинъ былъ въ близкихъ со мною сношеніяхъ, когда я былъ воспитанникомъ въ семинаріи; въ Баранчѣ моя родина, и родители мои были знакомы съ Ильинымъ; въ этомъ мѣстѣ Богъ привелъ, наконецъ, жить и мнѣ.

По этому и статья моя, смѣю думать, будетъ имѣть хотя нѣкоторый интересъ для читателей Пермскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Ильинъ, поступивши въ Баранчу, вскорѣ по пріѣздѣ сдѣлалъ визитъ бывшему въ то время священникомъ моему родителю. Завязалась между ними на первый разъ крѣпкая дружба. Оба полюбили другъ друга сколько за

взаимную любовь къ собесѣдованіямъ о богословскихъ предметахъ, столько же, и еще болѣе за ревность къ православію. Ужъ не знаю, была ли въ то время ревность Ильина ревностію по Богѣ. По крайней мѣрѣ, судя по внѣшнему образу его жизни, я могъ заключать, что онъ былъ ревностнымъ прихожаниномъ моего батюшки. Бывало, въ вакаціальное время я любилъ наблюдать за ревностію къ Богослуженію здѣшнихъ прихожанъ. По моему мнѣнію, Ильинъ былъ первый; видалъ я его часто за вечерней и утреней, и почти всегда за литургіей. Онъ стоялъ всегда напереди, около праваго клироса, и большею частію на колѣнахъ. Сознаюсь откровенно, что я имѣлъ къ нему въ то время какое-то особенное влеченіе; будучи еще воспитанникомъ, я увлекался даже внѣшностію его.... И дѣйствительно онъ умѣлъ привлекать къ себѣ и располагать очень многихъ. И доселѣ многіе изъ православныхъ здѣшнихъ прихожанъ воспоминаютъ дѣла его внѣшняго благочестія и удивляются, какъ это случилось, что Николай Созонтовичъ измѣнилъ православію. Впрочемъ, и въ началѣ прибытія его въ Баранчу можно было замѣтить, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось, что въ Ильинѣ кроется что-то особенное: то не нравилось ему что нибудь въ совершаемыхъ по уставу внѣшнихъ обрядахъ церкви, (*) то къ угодникамъ Божіимъ не обнаруживалъ должнаго почтенія, то о нѣкоторыхъ высшихъ лицахъ отзывался съ самой невыгодной стороны. Родитель мой, бывало, по обязанности священнической, старался всѣми возможными мѣрами, удержать его отъ неумѣстныхъ и гнилыхъ разглагольствій, но тотъ отвѣчалъ ему: „что, вы, батюшка, спорите? вѣдь у меня въ Маякѣ помѣщено множество статей?“ [?!] А со мною, разъ, былъ и вотъ какой случай.

Тогда я былъ только что переведенъ въ богословскій классъ. Въ каникулы вечера мы большею частію проводили въ прогулкахъ по заводу. Родитель, капитанъ и я,—вотъ, бывало, наша компанія. Родитель, утомившись продолжительностію прогулки, отправился домой, а я, по приглашенію Ильина, пошелъ къ нему. Тутъ былъ у меня жаркій съ нимъ споръ о Петрѣ Великомъ. О государственныхъ его дѣяніяхъ онъ старался умалчивать, но когда споръ коснулся религіи, онъ, въ опроверженіе моихъ доводовъ, сказалъ: „да вы что спорите, молодой человѣкъ, вѣдь я спорилъ съ архіереями, и тѣ молчали предо мною (**). Я какъ разъ въ ту минуту замолчалъ. Воображая

(*) Разъ, напримѣръ, въ великую субботу на утрени онъ открыто настаивалъ на томъ, чтобы батюшка мой вокругъ церкви обошелъ съ плащаницею три раза.

(**) Не вѣримъ. Но если и было что—нибудь подобное, то, конечно, на основаніи

вѣроятно, что я склонился къ его убѣжденіямъ, онъ подвелъ меня къ конторкѣ и показалъ завѣтную „Сіонскую вѣсть.“ Изъ любопытства я хотѣлъ было взять ее въ руки, но капитанъ тотчасъ же заперъ, сказавъ: „вы невыучились еще и не возвысились до совершенства“ (*). Съ тѣхъ поръ я и родитель мой стали думать объ Ильинѣ совершенно иначе.

Послѣ каникулъ у насъ былъ экзаменъ. Высокопреосвященный Аркадій, спрашивая меня по одному предмету, не удовлетворился моими отвѣтами, и велѣлъ принести къ себѣ всѣ сочиненія, сказавъ: „ты будешь жить въ Баранчѣ на мѣстѣ отца.“ Я не замедлилъ къ нему явиться. Послѣ замѣчаній о недостаткахъ, онъ спросилъ объ Ильинѣ; вѣроятно онъ слышалъ о немъ и ранѣе, были даже, какъ видно изъ его словъ, представляемы ему и оффиціальныя донесенія (**). Я разсказалъ все, что зналъ про него. Такой отзывъ мой, вѣроятно, какъ я догадывался, дошелъ и до Ильина; родитель мой писалъ ко мнѣ въ одномъ письмѣ: „капитанъ Ильинъ говоритъ здѣсь всѣмъ, что ты первый гордецъ въ Пермской епархіи.“

Въ послѣднее время, назадъ тому съ годъ, была у меня одна изъ вдовствующихъ его дочерей, проживающая, какъ сказывала, въ Нижнетагильскомъ заводѣ. Послѣ взаимныхъ, обычныхъ привѣтствій, я спросилъ ее: а, что, все еще въ Соловецкомъ монастырѣ вашъ папа? ужъ, вѣроятно, онъ раскаялся и получилъ свободу? „О, нѣтъ, онъ дѣйствительно тамъ, отвѣчала она, но нетолько не раскаялся, а намѣренъ жить тамъ, какъ пишетъ въ послѣднемъ письмѣ, до тѣхъ поръ, пока не обратитъ въ свою секту всѣхъ, начиная съ послѣдняго монаха до самаго архимандрита включительно.“ —Никогда не повѣрю, сказалъ я, чтобы въ такой твердынѣ православія, какъ Соловецкій монастырь, вашъ папа имѣлъ какой нибудь, хотя малѣйшій успѣхъ. Замѣтно, отвѣтъ мой былъ ей не по сердцу, и она, коротенько побесѣдовавъ со мною, вскорѣ раскланялась. Вечеромъ была, впрочемъ, у всенощнаго бдѣнія, а по окончаніи отправилась, какъ я достовѣрно узналъ, къ послѣдователямъ папеньки, съ какою цѣлію—Богъ вѣдаетъ...

словъ Премудраго: не отвѣщай безумному по безумію его, да не подобенъ ему будеши (Притч. 26, 5). Ред.

[*] Вотъ онъ—нашъ доморощеный гностикъ!.. Хотьи до совершенной нелѣпости дошелъ человѣкъ, да за то собственнымъ умомъ дошелъ—вотъ что особенно дорого и обаятельно для сумасброднаго сектатора!! Ред.

[**] „Благочинный Суворовъ“ сказалъ онъ, „пишетъ, что у васъ въ Баранчѣ есть какой-то капитанъ Ильинъ, не знакомъ ли онъ тебѣ?“

Кстати о послѣдователяхъ Ильина и современномъ движеніи секты. Эта секта самая скрытная, а потому мы старались узнать прежде начала ея, и тогда дѣйствовать противъ послѣдователей. Случай, какъ разъ, представился.—Товарищу моему священнику Колокольникову сказала одна женщина, что въ домѣ одного изъ послѣдователей секты, въ самомъ потаенномъ мѣстѣ, а именно—на сараѣ подъ желобомъ хранится „Сіонская Вѣсть.“ О. Колокольниковъ тотчасъ же выпросилъ полицейскихъ служителей и, по сказанному, дѣйствительно нашелъ желаемое. Но такъ какъ книга найдена была при содѣйствіи полиціи, поэтому управитель завода далъ ее намъ для прочтенія на короткій срокъ, и потомъ отправилъ къ г. горному начальнику. Впрочемъ мы успѣли даже списать ее, но и списокъ нашъ вскорѣ выпросилъ о. миссіонеръ К—р—скій тоже на срокъ, а между тѣмъ, передалъ его одному сановитому лицу, по усиленной просьбѣ послѣдняго. Теперь нѣтъ у насъ ни подлинника, ни списка. Мы бѣгло прочли „Сіонскую Вѣсть“ и многое забыли. А слѣдовало бы имѣть ее намъ настольною книгою, чтобы противодѣйствовать сектѣ и предостерегать православныхъ прихожанъ. Съ такою именно полемическою цѣлію мы и списывали ее; трудно противодѣйствовать сектѣ, не имѣя свѣдѣній о ея началахъ и не открывши источниковъ ложныхъ и вредныхъ мнѣній сектатора. Правда, былъ въ недавнее время у насъ и открытый послѣдователь секты—обыватель Иванъ Ан—нъ, но и тотъ далеко не объявилъ всѣхъ вѣрованій своихъ отцу миссіонеру Ф—нову. Въ „Сіонской Вѣсти,“ между прочимъ, какъ помнится, есть такое правило для послѣдователей: „всѣми мѣрами скрывать себя, и для того исполнять всѣ требованія православной Церкви, и только въ крайнемъ случаѣ обнаруживать себя послѣдователемъ,“ за что обѣщана особенная награда. Ан—нъ захотѣлъ быть открытымъ послѣдователемъ ея. Для этого онъ пригласилъ къ себѣ, во время болѣзни, священника будто-бы для напутствованія, но когда тотъ, прочитавши обычныя молитвы, спросилъ его между прочимъ: вѣруетъ ли онъ во святую Церковь, отвѣчалъ, что въ Церковь не вѣруетъ, потому что въ ней поставлены идолы, разумѣя подъ послѣдними святыя иконы. И отцу миссіонеру онъ высказалъ сомнѣніе и неправомысліе только касательно почитанія святыхъ иконъ и—болѣе почти ничего. Очевидно, по своему невѣжеству онъ не зналъ даже началъ секты, а къ открытому исповѣданію ея увлекала его только практическая идея братства. Онъ былъ дѣйствительно обездоленный судьбой, бѣдный человѣкъ, обремененный большимъ семействомъ. Искалъ онъ и прежде сочувствія къ своему бѣдному положенію, отовсюду и всѣми мѣрами домогался матеріальной помощи, но. не находя ея, рѣшился прибѣгнуть къ край-

пости—измѣнить православію и открыто дѣйствовать въ пользу секты. Нынѣ онъ, кажется, не такъ нуждается въ средствахъ къ пропитанію, пользуясь пока щедротами богачей—своихъ сообниковъ, и, не смотря на тщательнѣйшія убѣжденія о. миссіонера, остается непреклоннымъ въ своемъ заблужденіи.

Болѣе мы не замѣчали, чтобы кто изъ пропагандистовъ Ильина увлекъ кого либо изъ православныхъ прихожанъ въ свою секту (*).

Священникъ Алексѣй Максимовъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Юбилей 50-лѣтней службы дьячка. 22 августа сего года праздновался въ Петербургѣ юбилей пятидесятилѣтней службы одного изъ столичныхъ причетниковъ, *Петра Ивановича Успенскаго,* состоящаго съ 22 августа 1817 года и по сіе время дьячкомъ при церкви Вознесенія Господня въ Петербургѣ. Въ „Домашней Бесѣдѣ“ (№ 37) описано самое празднество юбилея, на которомъ юбиляру однимъ изъ почтенныхъ іереевъ Петербурга поднесенъ экземпляръ большаго изданія Псалтири, великолѣпно переплетенный, съ золотымъ обрѣзомъ, въ сафьянъ, съ вытисненною на верхней доскѣ золотыми буквами надписью имени юбиляра и дня торжества юбилея. Вручившій юбиляру этотъ подарокъ прочелъ при этомъ написанные по этому случаю стихи, исполненные искренняго сочувствія и уваженія къ многолѣтней труженической и честной, скромной, не имѣющей въ виду ни какихъ отличій и наградъ дѣятельности юбиляра. Вотъ эти стихи:

Прими, старѣйшій межъ дьячками,
Псалтирь, на память, въ юбилей!
Она кончается словами:
Малъ бѣхъ во братіи моей.
Дѣйствительно, ты малъ чинами;
Ну что за чинъ—простой дьячекъ?
Но Богъ почтилъ тебя лѣтами
И сѣдиной тебя облекъ
За службу честную для храма,
Въ которомъ пѣлъ ты и читалъ,
И, со смиреньемъ Аврама,
Порой кадило раздувалъ.
За утра, вечеръ, и полудне,
Полвѣка Богу ты служилъ:
Не только въ праздникъ, но и въ будни,

(*) Дай Богъ чтобы этого совсѣмъ не было. Ред.